Сухомлинова.

Речь

в торж. собр.

Импер. Ак. Наук

1877

РѢЧЬ

въ

ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

по случаю

СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

АЛЕКСАНДРА I.

Академика М. И. Сухомлинова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1877.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цѣна 45 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1877 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Столѣтіе, истекшее со дня рожденія императора Александра I ознаменовано многими достопамятными явленіями въ исторіи русской литературы и науки. Ровно четверть этого столѣтія принадлежитъ эпохѣ Александра I, имѣющей въ высшей степени важное значеніе въ умственной и общественной жизни русскаго народа.

Рожденіе Александра I вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, не мало торжественныхъ одъ, авторы которыхъ заплатили самую щедрую дань тогдашнему литературному обычаю[1]).

Лирикъ Петровъ, слывшій нѣкоторое время соперникомъ Ломоносова, въ одѣ на рожденіе Александра I говоритъ:

Возникла нова въ міръ планета!
Знать были созданы не всѣ?
Отнынѣ совершенство свѣта;
Днесь, днесь во полной онъ красѣ....
Ему (новорожденному) поклонятся языки,
Его почтутъ земны владыки....
Днесь станутъ ранѣ цвѣсть древа,
Волковъ уже не будетъ болѣ....

Въ одѣ Майкова предсказывались побѣды надъ мусульманами и водвореніе правосудія, и такое пророчество основывалось единственно на томъ, что великій князь Александръ Павловичъ родился тогда, когда *луна* проходила черезъ знакъ *вѣсовъ*[2]).

Звѣзда первой величины тогдашняго литературнаго міра, знаменитый лирикъ Державинъ написалъ стихотвореніе на рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока. Пьеса Державина, начинающаяся словами: «съ бѣлыми Борей власами и съ сѣдою

бородой» долгое время была весьма популярною, чему немало содѣйствовалъ самый размѣръ ея. Всего замѣчательнѣе въ ней стихъ: «будь на тронѣ *человѣкъ*».

Слова Державина могутъ служить девизомъ того направленія, которое дано воспитанію будущаго государя. Стремленіе Екатерины II достигнуть того, чтобы Александръ былъ на тронѣ *человѣкомъ* выразилось и въ выборѣ наставника и въ преобладающемъ свойствѣ воспитанія. Избранный Екатериною II воспитатель ея внука, просвѣщенный гражданинъ швейцарской республики, Лагарпъ, ознакомилъ своего питомца съ идеями энциклопедистовъ о правахъ и обязанностяхъ человѣка, о происхожденіи гражданскихъ обществъ, объ отношеніяхъ между властителями и подвластными, и т. д. Было бы нелѣпо предполагать,—говорилъ Лагарпъ будущему властителю — чтобы Творецъ безчисленнаго множества свѣтилъ, сіяющихъ на тверди небесной, далъ нѣкоторымъ изъ людей право располагать по своему произволу судьбою всего остальнаго человѣчества, и можно ли допустить божественное происхожденіе власти Нероновъ, Калигулъ, Филипповъ II, Людовиковъ XI, Чингисхановъ — этихъ чудовищъ, рожденныхъ къ стыду и несчастію человѣчества. Грубая сила создала власть; чтобы сохранить эту власть, потребовалась иная, разумная сила: надо было прибѣгнуть къ закону, водворяющему порядокъ и основы справедливости; властитель, попирающій законъ и его требованія, заставляетъ вспоминать о нечистомъ источникѣ, откуда произошла его власть. Лучшая слава государя заключается въ исполненіи имъ обязанностей *человѣка* и гражданина, и т. д. — Подобный образъ мыслей заслужилъ полное одобреніе Екатерины II. Сочувственно отзывались слова Лагарпа и въ душѣ его царственнаго питомца, считавшаго крѣпостное право позоромъ для человѣчества, и глубоко скорбѣвшаго о господствѣ произвола въ дѣйствіяхъ властителей.

Но въ нѣкоторой части нашего общества слышалось неудовольствіе на черезчуръ будто бы либеральное направленіе и учителя и ученика. Въ запискахъ современниковъ встрѣчаются и

такого рода замѣтки: «имена вольности и равенства, пріемлемыя въ превратномъ и уродливомъ смыслѣ, начали твердиться предъ младымъ царемъ, имѣвшимъ по несчастію наставникомъ своимъ француза Лагарпа, внушавшаго ему таковыя же понятія».

Обвиненіе гораздо болѣе вѣское, идущее также отъ современниковъ, заключается въ томъ, что воспитаніе образовало изъ Александра космополита въ полномъ смыслѣ слова, и нисколько не содѣйствовало развитію живаго, говорящаго душѣ, сознанія нуждъ и потребностей Россіи и русскаго народа. Писатель, передавшій потомству, подъ видомъ простодушныхъ басенъ, множество чертъ современной ему общественной жизни, указалъ и на существенный по его мнѣнію недостатокъ въ воспитаніи Александра I. Крыловъ такимъ образомъ разсказываетъ о воспитаніи льва: Когда стали не шуткой думать «кого бы попросить, нанять или заставить» принять на себя воспитаніе царевича, то оказалось, что между тѣми, кого можно было попросить, нанять или даже заставить не было подходящаго, и пришлось отдать царевича на выучку въ чужую сторону. Тамъ стали учить его всякой мудрости, недоступной въ дѣтскомъ возрастѣ, но сообщаемой царевичу единственно потому, что «у нихъ не какъ у насъ, и годовалый львенокъ давно ужъ вышелъ изъ пеленокъ». Извѣстно, что и Лагарпъ свои философскія идеи объ основахъ общественнаго союза развивалъ передъ слушателями, изъ которыхъ старшему не было полныхъ двѣнадцати лѣтъ. Результатомъ чужеземной педагогіи для крыловскаго львенка было то, что онъ хотѣлъ «звѣрей учить вить гнѣзда». Основная мысль басни-памфлета выражается въ заключительныхъ словахъ:

Важнѣйшая наука для царей —
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

Въ доказательство же, что наука эта не вполнѣ была усвоена Александромъ, ссылаются на то, что въ его политикѣ отвлеченныя соображенія космополитическаго свойства иногда одерживали

верхъ надъ прямыми и существенными потребностями Россіи, и что даже въ средѣ самой близкой къ нему и самой вліятельной появлялись иногда лица, желавшія дѣйствовать вопреки интересамъ Россіи и въ явный ущербъ русскому народу.

Но каковы бы ни были воззрѣнія современниковъ и потомства на воспитаніе Александра I, несомнѣнно то, что при первомъ проявленіи этого воспитанія на дѣлѣ, съ восшествіемъ императора Александра I на престолъ, всѣ возлагали самыя свѣтлыя надежды на молодаго государя, въ которомъ видѣли не ученика иностранныхъ учителей, а питомца Екатерины II, русской по своей дѣятельности и по своимъ сочувствіямъ.

Восшествіе императора Александра I на престолъ привѣтствуемо было въ литературѣ дружнымъ хоромъ торжественныхъ одъ. Въ числѣ ихъ авторовъ были и ветераны нашей словесности — Державинъ и Херасковъ; и профессора московскаго университета — Сохацкій и Мерзляковъ; были и князья и княжны, и гвардейскіе офицеры и священники; былъ и писатель, которому суждено впослѣдствіи составить литературную славу эпохи Александра I — Н. М. Карамзинъ. Какъ ни безцвѣтны повидимому многія изъ произведеній, вызванныхъ воцареніемъ Александра I, въ совокупности они служатъ живымъ памятникомъ своего времени, знакомятъ съ настроеніемъ тогдашняго общества и съ понятіями и требованіями образованнѣйшей его части. Всѣ эти оды привѣтствуютъ воспитанника *Екатерины II*, государя-*человѣка*, уважающаго законъ и ненавидящаго рабство. Такое представленіе вытекало изъ жизни: оно сложилось очевидно подъ вліяніемъ порядка вещей, господствовавшаго со времени кончины Екатерины, и невольно пробуждавшаго воспоминаніе о той счастливой порѣ, когда съ высоты престола говорили о святости закона и рѣзко осуждали злоупотребленіе власти.

Впечатлѣніе, произведенное на современниковъ восшествіемъ императора Александра I на престолъ, просто и вѣрно представлено въ запискахъ Шишкова, близко знакомаго съ тогдашними событіями. Этотъ честный морякъ и замѣчательный писатель го-

воритъ слѣдующее: «Александръ первый, государь младой и кроткій, воцарился. Радость была всеобщая. Безпрестанные слухи о заточеніяхъ и наказаніяхъ, всякаго рода страхи и опасности, чтобъ нечаянно не провиниться, исчезли. Всѣхъ умы и сердца успокоились. Крѣпость опустѣла отъ заключенныхъ въ ней, и на вратахъ ея неизвѣстною рукою написано было: *свободенъ отъ постоя.* Всѣ ожидали возстановленія прежняго (т. е. екатерининскаго) въ правительствѣ духа и устройства. Трощинскій поднесъ къ подписанію манифестъ, въ которомъ государь торжественно обѣщалъ идти по стопамъ великой своей бабки. Въ тысячи стихотвореніяхъ на разныхъ языкахъ, повторялись восторги и похвалы сему обѣщанію. Самый поворотъ отъ хладной зимы къ яснымъ и теплымъ днямъ весны, казалось, предвѣщалъ, съ уничтоженіемъ худо-введенныхъ новизнъ, оборотъ на старый, благотворный образъ правленія».

Какъ ни старались писатели умалчивать о событіи, утаить которое, говоря словами Шишкова, было такъ же трудно, какъ и спрятать солнце и луну отъ людскаго глаза, тѣмъ не менѣе намеки, и весьма прозрачные, невольно срывались съ пера. Державинъ вздумалъ было оправдываться и доказывать, что слова его оды: «умолкъ ревъ норда сиповатый; закрылся грозный, страшный взглядъ»—простая риторическая фигура; но этимъ самымъ далъ новый поводъ искать въ нихъ реальнаго смысла, ради котораго ода и была запрещена цензурою.

Воцареніе Александра I привѣтствовали не только русскіе, но и иностранные поэты, и во главѣ ихъ одинъ изъ корифеевъ тогдашней нѣмецкой литературы, авторъ мессіады, Клопштокъ. На своемъ мистическомъ языкѣ Клопштокъ изображаетъ появленіе въ міръ человѣчности (menschlichkeit) въ лицѣ русскаго государя Александра, который одержитъ прекрасную побѣду надъ грубою силою, и смоетъ позоръ, лежащій на имени *Александръ* со времени Александра македонскаго [3]). Подобныя же мысли и образы встрѣчаются и въ произведеніяхъ русскихъ писателей:

Такъ два извѣстны Александра:
Одинъ всю землю возжигалъ;
Объятый заревомъ пожара,
Въ громахъ и молніяхъ леталъ.
Другой спокойство всѣмъ даруетъ,
Любовью нѣжной торжествуетъ,
И ею побѣждаетъ міръ.
Тотъ богъ войны, тотъ богъ свирѣпства,
А сей творецъ добра, блаженства.... [4]).

Изъ ряда торжественныхъ одъ выдѣляются два произведенія Карамзина: на восшествіе на престолъ и на коронованіе императора Александра I. Карамзинъ говоритъ:

Воспитанникъ Екатерины!
Тебя Господь Россіи далъ.
Ты урну нашея судьбины
Для дѣлъ великихъ воспріялъ.

Эти великія дѣла обнаружатся въ заботахъ о просвѣщеніи и правосудіи:

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья —
Наукой счастливъ человѣкъ —
И блескомъ твоего правленья
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
Се музы, къ трону приступая,
И черный крепъ съ себя снимая,
Твоей улыбки милой ждутъ....
Когда не всѣ законы ясны,
Ты намъ ихъ разумъ изъяснишь;
Когда же въ смыслѣ несогласны,
Ты ихъ премудро согласишь.
Законъ быть долженъ какъ зерцало,
Гдѣ бъ солнце истины сіяло

Безъ всякихъ мрачныхъ облаковъ.
Великъ какъ Богъ законодатель,
Онъ мирныхъ обществъ основатель
И благодѣтель всѣхъ вѣковъ....

Но для достиженія великихъ цѣлей — умственнаго и нравственнаго блага, необходимо оградить себя отъ лукавыхъ совѣтовъ:

Есть родъ людей царю опасный:
Имъ имя — хитрые льстецы;
Снаружи ангеламъ подобны,
Но въ сердцѣ ядовиты, злобны,
И въ козняхъ адскихъ мудрецы.
Они отечества не знаютъ,
Они не любятъ и царей;
Но быть любимцами желаютъ;
Корысть ихъ богъ: лишь служатъ ей....

Внутренняя связь между временами Екатерины II и Александра I открывается и въ сходствѣ воззрѣній замѣчательнѣйшихъ представителей этихъ двухъ эпохъ. Свобода, основанная на законѣ и изъ него истекающая была идеаломъ лучшихъ людей вѣка Екатерины II. Водворенія свободы и законности искренно желали поэты и мыслители Александровскаго времени. Державинъ говорилъ:

Рабъ и похвалить не можетъ,
Онъ лишь можетъ только льстить.

Таже мысль заключается въ словахъ Карамзина, обращенныхъ къ императору Александру:

Короны блескомъ ослѣпленный,
Другой въ подвластныхъ зритъ — рабовъ;
Но ты, душою просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ.

Тебѣ одна любовь прелестна,
Но можно ли рабу любить?
Любовь со страхомъ несовмѣстна;
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.....
Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ....

Идею закона и отношеніе его къ власти, управляющей народами, Державинъ выразилъ ясно и опредѣленно, сказавши:

Царей они подвластны волѣ,
А Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Такое же высокое уваженіе къ закону было неоднократно выражаемо и императоромъ Александромъ. Я отнюдь не считаю себя выше закона,—говорилъ императоръ Александръ — и признаю справедливою только ту власть, которая истекаетъ изъ закона; на мнѣ болѣе, нежели на комъ другомъ, лежитъ обязанность быть строгимъ блюстителемъ закона [5]).

Признаніе правъ закона произвело оживляющее дѣйствіе на умы. Рѣшимость править Россіею по законамъ Екатерины II, выраженная Александромъ I при вступленіи его на престолъ, какъ нельзя болѣе удовлетворяло тогдашнему настроенію общества и положенію вещей: у всѣхъ передъ глазами были печальные слѣды упорнаго желанія идти противъ теченія, дѣйствовать наперекоръ законамъ и стремленіямъ Екатерины. И впослѣдствіи не одна личная воля, подлежащая колебаніямъ и измѣненіямъ, заставляла Александра обращаться ко временамъ Екатерины, мыслію и дѣломъ при рѣшеніи многихъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики. Геніальный умъ Екатерины работалъ для настоящаго и будущаго, и хотя будущее приносило новыя нужды и требованія, связь съ прошлымъ не разрывалась иногда даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда личная воля новыхъ людей требовала

разрыва. Сама исторія словно позаботилась о томъ, чтобы сблизить въ сознаніи потомства двѣ эпохи, связь между которыми такъ живо чувствовалась современниками, пережившими первую изъ нихъ и видѣвшими наступленіе второй.

Сила историческихъ обстоятельствъ привела къ тому, что эпоха Екатерины II и эпоха Александра I ознаменованы событіями, представляющими много общаго по своей основной идеѣ и по своему вліянію на умственную и общественную жизнь русскаго народа. Первостепенный ученый своего времени, историкъ Шлецеръ замѣтилъ, что изъ всѣхъ событій, прославившихъ царствованіе Екатерины II, по своимъ послѣдствіямъ и по высокому историческому значенію особенно важны: побѣды Румянцова надъ турками и учрежденіе народныхъ училищъ. Съ такою же справедливостью исторія имѣетъ право сказать, что главнѣйшими событіями царствованія Александра I должны быть признаны: война 1812 года и учрежденіе цѣлаго ряда училищъ съ университетами во главѣ.

Мы не будемъ говорить о войнѣ 1812 года. Память о ней воскресаетъ съ новою силою въ настоящую годину, когда русскій народъ приноситъ столько кровавыхъ жертвъ, и чѣмъ выше эти жертвы, чѣмъ несокрушимѣе храбрость и отвага русскихъ воиновъ, тѣмъ живѣе благодарность Провидѣнію, пославшему ихъ доблестнымъ предкамъ достойныхъ ихъ вождей: Кутузова, Барклая-де-Толли, и ихъ сподвижниковъ, имена которыхъ дороги для русскаго народа «священной памятью двѣнадцатаго года». Предоставляя правдивому и безпристрастному суду исторіи опредѣленіе заслугъ Александра I передъ Россіею въ отношеніи къ войнѣ 1812 года и ея политическимъ слѣдствіямъ, обратимъ вниманіе на подвиги другаго рода — на явленія въ обширной области просвѣщенія народа.

Просвѣщеніе народа, содѣйствіе успѣхамъ науки и литературы было однимъ изъ прекрасныхъ стремленій, завѣщанныхъ Александру I его геніальною воспитательницею. Воспитанникъ Екатерины съ самаго вступленія своего на престолъ выражалъ

свое уваженіе къ наукѣ и литературѣ и свое сочувствіе къ ихъ представителямъ. Многіе научные и литературные труды явились въ свѣтъ только благодаря вниманію къ нимъ государя; многія сочиненія представляемы были государю въ рукописи, печатались по его приказанію на счетъ кабинета, и всѣ экземпляры отдавались авторамъ въ ихъ полную собственность. Втеченіи одного 1802 года на счетъ кабинета напечатано книгъ на 160,000 руб. Всѣ выдающіеся ученые того времени: академики Румовскій, Иноходцевъ, Палласъ, Георги, Озерецковскій, Севергинъ, и др., были такъ или иначе почтены вниманіемъ государя. Но что всего замѣчательнѣе — Александръ I обнаруживалъ желаніе приблизить къ себѣ людей мысли и науки, и считалъ своею обязанностію прислушиваться къ ихъ правдивому голосу даже и тогда, когда они рѣшались высказывать горькія истины. При этомъ невольно приходятъ на мысль отношенія императора Александра I къ его знаменитому современнику Карамзину. Справедливо замѣчаютъ, что эти отношенія дѣлаютъ честь какъ писателю, незапятнавшему себя лестью, и смѣло говорившему правду, такъ и государю, понимавшему благородный источникъ смѣлости человѣка, никогда и ни передъ кѣмъ неизмѣнявшаго своей любви къ Россіи. До конца жизни своей Александръ сохранилъ высокое уваженіе къ Карамзину, какъ это торжественно засвидѣтельствовалъ императоръ Николай, выражая «и за покойнаго государя, и за себя самого, и за Россію признательность Карамзину, которую онъ заслужилъ и своею жизнію какъ гражданинъ, и своими трудами какъ писатель». Безспорное значеніе для характеристики Александра I имѣетъ та черта, что передъ нимъ могъ свободно высказывать свой образъ мыслей гражданинъ-писатель,

Умѣвшій все совокупить
Въ ненарушимомъ, полномъ строѣ
Все человѣчески-благое
И русскимъ чувствомъ закрѣпить;
Умѣвшій, не сгибая выи

Предъ обаяніемъ вѣнца,
Царю быть другомъ до конца
И вѣрноподданнымъ Россіи [6]).

По убѣжденію Карамзина, лучшею похвалою Александру I служитъ то, что онъ былъ *человѣкъ:* «у насъ на тронѣ человѣкъ», говоритъ Карамзинъ, и убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ этому считаетъ основанную на уваженіи къ правамъ человѣчества систему народнаго образованія, возвышающаго умственное и нравственное достоинство человѣка. По замѣчанію Карамзина, выработанный при Александрѣ «великій планъ народнаго просвѣщенія славенъ не только для Россіи и государя ея, но и для самого вѣка; не только Россія, но и Европа, и цѣлый свѣтъ долженъ гордиться монархомъ, который употребляетъ власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство человѣка въ неизмѣримой державѣ своей» [7]).

Начало царствованія императора Александра I ознаменовано учрежденіемъ университетовъ въ Казани и въ Харьковѣ; преобразованіемъ университетовъ: московскаго, виленскаго и дерптскаго; открытіемъ по всей Россіи гимназій, уѣздныхъ училищъ и приходскихъ школъ; устройствомъ учебныхъ округовъ, и т. п. Тогда же данъ новый уставъ и академіи наукъ. Всѣ эти мѣры, будучи связаны единствомъ основной мысли, составляютъ стройное цѣлое, дополняя и объясняя одна другую. Дѣятельность по устройству университетовъ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія бросаетъ новый свѣтъ и на времена отдаленныя, на событіе, совершившееся почти за цѣлое столѣтіе, именно на учрежденіе академіи наукъ. Многое изъ того, что было неизбѣжно при основаніи академіи, повторилось и при учрежденіи университетовъ. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе всей системы народнаго образованія, ограничимся въ настоящемъ очеркѣ нѣсколькими данными, относящимися къ академіи наукъ и отчасти къ университетамъ.

Преобразованіе академіи наукъ при Александрѣ I находится

въ неразрывной связи съ тогдашнимъ состояніемъ русской образованности и съ предшествующими судьбами академіи.

При самомъ учрежденіи академіи наукъ и много разъ впослѣдствіи возникалъ вопросъ о томъ, не было ли это дѣйствіе Петра Великаго преждевременнымъ, и соотвѣтствовало ли оно существеннымъ потребностямъ Россіи. Одинъ изъ образованнѣйшихъ современниковъ Петра Великаго, историкъ Татищевъ, говорилъ, что прежде надо было бы приготовить почву, а потомъ уже бросать въ нее сѣмена науки. Представитель другаго поколѣнія, академикъ Шлецеръ, не могъ, говоря его словами, постигнуть, какимъ образомъ такой великій государь, какъ Петръ I основалъ академію наукъ, а не подумалъ о народныхъ школахъ[8]). Но при внимательномъ и разностороннемъ обсужденіи дѣла открытіе въ Россіи академіи наукъ по мысли Петра Великаго представляется въ иномъ свѣтѣ. Если перенестись мыслію въ тѣ времена, когда жилъ и дѣйствовалъ Петръ Великій; если вникнуть въ условія тогдашняго быта, въ складъ понятій, господствовавшихъ въ обществѣ, и т. д., нельзя не отдать должной справедливости тому, что наукѣ предоставлено, такъ сказать, право гражданства въ русскомъ обществѣ, и учреждена академія не исключительно для примѣненія наукъ къ насущнымъ, матеріальнымъ потребностямъ, а одною изъ существенныхъ ея цѣлей поставлено расширять область знанія новыми изслѣдованіями и открытіями — «чрезъ новые инвенты совершать и умножать науки». Въ этомъ сознаніи правъ науки заключался вѣрный залогъ для ея водворенія въ Россіи. Чѣмъ выше стоитъ наука, тѣмъ разумнѣе и плодотворнѣе ея примѣненіе; чѣмъ обширнѣе знанія людей, посвятившихъ себя дѣлу народнаго образованія, тѣмъ сильнѣе вліяніе ихъ просвѣтительной дѣятельности. Судьбы народнаго просвѣщенія въ эпоху Александра I доказываютъ это самымъ положительнымъ образомъ.

Что касается отношенія академіи, при самомъ ея открытіи, къ нуждамъ и потребностямъ Россіи, то на это имѣются самыя точныя указанія. Утвержденный Петромъ Великимъ проэктъ ясно

и опредѣленно говоритъ, что академія наукъ учреждается съ двумя цѣлями, изъ которыхъ одна имѣетъ въ виду настоящее, а другая — будущее.

Первая цѣль состояла въ томъ, чтобы «слава государства для размноженія наукъ нынѣшнимъ временемъ распространилась», т. е. чтобы Россія пріобрѣла во всей Европѣ славу государства, заботящагося о развитіи наукъ. Довольно вспомнить славныя имена Леонарда Эйлера и Бернулли, чтобы видѣть, какъ блистательно достигнута одна изъ цѣлей академіи — повліять на общественное мнѣніе Европы. Конечно, призвать въ Россію иностранныхъ знаменитостей отнюдь не значило еще водворить науку въ Россіи; но начало было положено, и произвело свое впечатлѣніе въ образованныхъ кругахъ европейскаго общества. Вѣдь и наказъ Екатерины II вовсе не служилъ ручательствомъ въ томъ, что просвѣтительныя идеи примѣняются во всей своей силѣ въ русскихъ судахъ и администраціи; тѣмъ не менѣе обнародованіе наказа сильно подѣйствовало на общественное мнѣніе Европы, и возбудило въ иностранцахъ желаніе ближе ознакомиться съ умственною жизнію Россіи. Желаніе это было однимъ изъ главныхъ поводовъ къ появленію превосходнаго труда Бакмейстера — «русской библіотеки для познанія современнаго состоянія литературы въ Россіи».

Но мысль Петра Великаго не могла удовлетвориться блескомъ, хотя бы и ослѣпительно-яркимъ, но тѣмъ не менѣе временнымъ. Петръ Великій желалъ, чтобы свѣтъ наукъ, зажженный въ его родной землѣ, не только свѣтился въ ней, но и просвѣщалъ и согрѣвалъ ее, питая и поддерживая живыя умственныя силы русскаго народа. Вторая цѣль учрежденія академіи заключалась въ томъ, чтобы науки разраслись и размножились въ русскомъ народѣ — чтобы «чрезъ обученіе и расположеніе наукъ польза народа впредь была». Въ сущности въ словахъ этихъ заключается таже самая мысль, которая впослѣдствіи неоднократно выражалась въ проэктахъ и разсужденіяхъ лицъ, наиболѣе знакомыхъ съ ходомъ академической жизни и съ существенными задачами и потребностями академіи наукъ.

Какое же средство придумалъ Петръ Великій для того, чтобы открыть русскимъ путь для самостоятельныхъ занятій наукою, сосредоточенныхъ тогда въ академіи? Единственнымъ средствомъ оказалось учрежденіе университета, хотя въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Исторія просвѣщенія въ Россіи показываетъ, до какой степени необходимо было учрежденіе при академіи наукъ университета и гимназіи. Всѣ русскіе академики восемнадцатаго столѣтія, за весьма незначительными исключеніями, получили свое образованіе въ академической гимназіи и университетѣ. Даже въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, во время преобразованія академіи наукъ при Александрѣ I, признано необходимо учредить при академіи училище, которое служило бы разсадникомъ будущихъ русскихъ ученыхъ. Лица, спеціально призванныя для обсужденія академическаго устава, въ числѣ которыхъ были и товарищъ министра народнаго просвѣщенія и непремѣнный секретарь академіи наукъ, не придумали другаго средства, кромѣ того, которое указано было еще Петромъ Великимъ: они предлагали учредить академическое училище съ раздѣленіемъ учениковъ, по мѣрѣ прохожденія курса, на два разряда — на *питомцевъ* и на *студентовъ*. Въ уставѣ академіи наукъ, утвержденномъ Александромъ I, говорится: «Какъ науки, коихъ усовершенствованіемъ академія должна заниматься, преподаются только до нѣкоторой степени ихъ во всѣхъ заведеніяхъ, для образованія юношества учрежденныхъ, даже и въ самыхъ университетахъ, то дабы академія обезпечена была со стороны способовъ наполнить со временемъ мѣста академиковъ россійскими учеными, мы повелѣваемъ ей содержать, подъ именемъ академическихъ воспитанниковъ, извѣстное число молодыхъ людей изъ россійскихъ уроженцевъ, выбранныхъ съ надлежащею осмотрительностію. Сіи воспитанники, числомъ 20, будутъ избираемы изъ университетскихъ студентовъ и учениковъ гимназій, имѣющихъ постоянную склонность и отмѣнную способность къ одной изъ тѣхъ наукъ, коими академія занимается. Каждый изъ воспитанниковъ препоручается академику той науки, которой онъ посвятилъ себя. Академикъ, взявъ

воспитанника подъ свое управленіе и непосредственный надзоръ, преподаетъ ему наставленіе вмѣстѣ съ своимъ адъюнктомъ, препоручая ему утверждать его въ началахъ науки, и предоставляя себѣ труднѣйшія и высшія части оной». Не тоже ли самое говорится и въ проэктѣ, утвержденномъ Петромъ Великимъ: потребнѣе всего, чтобы академія наукъ состояла «изъ самолучшихъ ученыхъ людей», и чтобы они «наукамъ младыхъ людей публично обучали, и чтобъ они нѣкоторыхъ людей при себѣ обучали, которые бы младыхъ людей первымъ фундаментамъ всѣхъ наукъ паки обучать могли».

Для вѣрной оцѣнки дѣйствій и воззрѣній Петра Великаго необходимо строго держаться историческаго мѣрила и не терять изъ виду послѣдовательности явленій, въ которой одни изъ нихъ смѣнялись другими. Во времена, ближайшія къ эпохѣ Петра Великаго, занятія науками цѣнились исключительно по степени ихъ практической пригодности въ примѣненіи къ ремесламъ, фабрикамъ, заводамъ и т. д. На академію наукъ смотрѣли какъ на канцелярію ученыхъ дѣлъ, а на академиковъ — какъ на чиновниковъ этой канцеляріи. Всѣ государства, а особенно россійское — говорилось въ регламентѣ, дѣйствовавшемъ съ половины восемнадцатаго столѣтія — нуждаются въ изученіи и въ открытіяхъ въ травахъ, деревьяхъ, соляхъ, рудахъ и пр., словомъ во всемъ томъ, что внутрь и на поверхности земли находится. И какъ всѣхъ этихъ вещей не только свойства и пригодности, но часто и имена неизвѣстны, то надо имѣть ботаника, анатомика и химика. Такъ какъ въ государствѣ, въ которомъ есть и администрація, и флотъ, и мануфактуры, и т. д., необходимы матеріи, краски, машины, пушки, и т. п., то необходимъ академикъ по экспериментальной физикѣ и другой — по механикѣ. Академикъ по механикѣ обязанъ изобрѣтать всякія машины, которыя были бы полезны въ гражданской и военной архитектурѣ и въ прочемъ. Польза отъ академиковъ слѣдующая: если понадобится проэктъ или что̀ другое адмиралтейству или полиціи, то академики должны разсмотрѣть или изобрѣсти... Если кто изъ академиковъ сдѣлаетъ изобрѣтеніе,

которое можетъ служить или къ пользѣ полиціи (т. е. администраціи) или къ силѣ военной, долженъ сейчасъ донести канцеляріи, и т. п. Академикамъ Ломоносову и Тредьяковскому приказано было сочинить по трагедіи, и приказъ этотъ объявленъ имъ въ канцеляріи, и т. д. [9])

Съ воцареніемъ Екатерины II настали лучшія времена для умственной жизни Россіи, для русской литературы и науки; начался и новый и блистательный періодъ академіи наукъ. Покойный академикъ Бэръ находилъ, что именно въ этотъ періодъ академія наша наиболѣе приблизилась къ своему истинному назначенію. По живой связи эпохи Екатерины II съ эпохою Александра I позволяю себѣ привести слова знаменитаго ученаго, который еще такъ недавно составлялъ красу и гордость нашей академіи.

Въ сохранившемся въ рукописи, замѣчательномъ отзывѣ своемъ по поводу открытія новой каѳедры академикъ Бэръ говоритъ: Мнѣ всегда казалось, что наша академія должна устремлять свою ученую пытливость преимущественно на тѣ особенности, которыя представляетъ Россія, и расширять область знанія такими вкладами, которые можно добыть преимущественно въ Россіи. Но при первомъ устройствѣ академіи не обратили на это должнаго вниманія. Выборъ академическихъ каѳедръ въ такой же мѣрѣ соотвѣтствовалъ Петербургу, какъ и Парижу или Палермо. Не было даже учреждено ни каѳедры русской исторіи, ни каѳедры русскаго языка. По духу того вѣка заботились только о томъ, чтобы перенести въ Россію науку, научное изслѣдованіе, простирающееся на различныя области знанія. Въ царствованіе Екатерины II порядокъ вещей измѣнился. Россія пріобрѣла подобающее ей мѣсто въ средѣ цивилизованныхъ государствъ, и ученый міръ, признавшій за Россіею право голоса, долженъ былъ ожидать, что она возвыситъ свой голосъ преимущественно по тѣмъ отраслямъ знанія, которыя съ особеннымъ успѣхомъ могли разрабатываться въ Россіи. Это превосходно понимала Екатерина II, и снаряженныя ею ученыя путешествія для всесторонняго изученія Россіи соста-

вили истинную, неотрицаемую славу нашей академіи. Отдавая должную справедливость великой мысли Екатерины, Бэръ выражаетъ сожалѣніе, что академія не была тогда же преобразована согласно съ тѣми требованіями, которыя предъявляла наука въ отношеніи къ изученію и изслѣдованію Россіи. Но то, что неудобно было сдѣлать вдругъ, совершалось постепенно. Условія, къ которымъ не могла оставаться равнодушною наука, заключались въ слѣдующемъ: обширное пространство Россіи, разнообразіе климата и естественныхъ произведеній, сношенія съ азіятскими народами, разноплеменное населеніе Россіи и преобладаніе въ ней славянской расы, и т. д. По мнѣнію Бэра, отвѣтами на эти жизненныя требованія науки служили: учрежденіе россійской академіи; открытіе каѳедръ азіятскихъ языковъ и проэктъ азіятской академіи; обширныя изслѣдованія по климатологіи; предложеніе открыть двѣ каѳедры для языковъ такъ называемыхъ инородцевъ, обитающихъ въ Россіи, и заявленіе о необходимости призвать въ академическую среду ученаго изъ западныхъ славянъ. Бэръ энергически поддерживалъ это заявленіе, указывая на связь его съ прямыми потребностями Россіи не только въ научномъ, но и въ политическомъ отношеніи [10]).

Императоръ Александръ I, приступая къ преобразованію академіи, объявилъ во всеуслышаніе, что академія наукъ рядомъ подвиговъ и въ особенности славными путешествіями академиковъ въ царствованіе Екатерины II доказала ту пользу, которую подобныя учрежденія приносятъ государству. Потребность преобразованія всего живѣе сознаваема была въ ученой средѣ самой академіи. Привѣтствуя новаго президента, непремѣнный секретарь академіи наукъ Фуссъ высказалъ отъ имени всей ученой корпораціи общее, единодушное и завѣтное желаніе всѣхъ ея членовъ, состоявшее въ томъ, чтобы академія была преобразована. Къ участію въ этомъ дѣлѣ призваны были всѣ члены ученаго собранія; каждому предоставлено было право высказать свое мнѣніе о нуждахъ и потребностяхъ академіи. Отовсюду послышались жалобы на крайнюю недостаточность научныхъ посо-

бій, которыми могла располагать академія, неимѣвшая ни инструментовъ для призводства наблюденій, ни матеріальныхъ средствъ для ученыхъ предпріятій въ обширныхъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ академики жаловались на свое, какъ выражались они, порабощеніе вслѣдствіе полнѣйшаго господства бюрократіи въ управленіи академическими дѣлами. Представлено было нѣсколько проэктовъ устава академіи наукъ, заключающихъ въ себѣ любопытныя черты умственной и общественной жизни того времени. Для разсмотрѣнія проэктовъ и начертанія устава составленъ былъ комитетъ, членами котораго назначены: Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, графъ Северинъ Потоцкій, профессоръ московскаго университета Баузе и непремѣнный секретарь академіи наукъ Николай Ивановичъ Фуссъ. М. Н. Муравьевъ соединялъ въ себѣ двѣ знаменательныя эпохи: принадлежа къ числу просвѣщеннѣйшихъ писателей вѣка Екатерины II, онъ былъ и однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей въ области просвѣщенія въ первые года царствованія императора Александра I. Графъ Северинъ Потоцкій памятенъ въ исторіи русской образованности своею разумною дѣятельностью по устройству харьковскаго университета и харьковскаго учебнаго округа. Профессоръ Баузе пріобрѣлъ почетную извѣстность своими учеными трудами, между которыми видное мѣсто занимаютъ изысканія, касающіяся внутренней жизни Россіи и знакомящія съ историческимъ движеніемъ народнаго образованія. Отъ академика Фусса, по самому его званію, комитетъ въ правѣ былъ ожидать наиболѣе точныхъ и подробныхъ указаній на нужды академіи и на ходъ академическихъ дѣлъ вообще.

Въ проэктѣ, выработанномъ названными лицами, назначеніе академіи опредѣляется слѣдующими знаменательными чертами: «Санктпетербургская академія наукъ, полагая во основаніе главное назначеніе всѣхъ ученыхъ обществъ — распространять предѣлы человѣческихъ знаній откровеніями, присоединяетъ къ тому особенную и ей свойственную обязанность — прилагать ихъ безпосредственно къ государственной пользѣ: испытывать есте-

ственныя произведенія во всемъ пространствѣ Россіи, и неослабными попеченіями назидать собственную ученость, чтобы она обратилась наконецъ въ природное произведеніе отечества»[11]).

Въ офиціальной редакціи, мысль эта, ослабленная подробностями, давшими ей нѣсколько иной видъ, выражена такимъ образомъ: «Главнѣйшія обязанности академіи слѣдуютъ изъ самой цѣли ея назначенія, общей со всѣми академіями и учеными обществами: — расширять предѣлы знаній человѣческихъ; усовершенствовать науки; обогащать ихъ новыми открытіями; распространять просвѣщеніе; направлять, колико возможно, познанія ко благу общему, приспособляя къ практическому употребленію теоріи и полезныя слѣдствія опытовъ и наблюденій, — се въ краткихъ словахъ книга ея обязанностей. Къ обязанностямъ, общимъ ей съ другими академіями, присоединяется должность непосредственно обращать труды свои въ пользу Россіи, распространяя познанія естественныхъ произведеній имперіи, изыскивая средства къ умноженію такихъ, кои составляютъ предметъ народной промышленности и торговли, къ усовершенствованію фабрикъ, мануфактуръ, ремеслъ и художествъ, — сихъ источниковъ богатства и силы государствъ»[12]).

Для достиженія существенной, основной цѣли академіи, такъ опредѣленно выраженной въ лучшемъ изъ всѣхъ проэктовъ, т. е. для того, чтобы содѣйствовать расширенію человѣческихъ знаній, необходимо было расширить самый кругъ ученыхъ занятій академиковъ посредствомъ открытія новыхъ каѳедръ. Втеченіе долгаго и весьма долгаго періода въ академіи существовали каѳедры только по математическимъ и естественнымъ наукамъ, и вовсе не было ни историческаго, ни филологическаго отдѣленій. Даже такія ученыя работы, какъ изданіе древнихъ памятниковъ исторіи и словесности, требующее спеціальной подготовки, было поручаемо математикамъ и анатомамъ.

Въ одномъ изъ проэктовъ начала девятнадцатаго столѣтія, представленномъ, по всей вѣроятности, президентомъ академіи наукъ барономъ Николаи, полагалось всего девять каѳедръ, а именно:

1) математики,
2) астрономіи,
3) физики,
4) механики,
5) зоологіи,
6) ботаники,
7) минералогіи,
8) химіи,
9) анатоміи и физіологіи [13]).

По нѣкоторымъ изъ этихъ каѳедръ полагалось по два и по три члена на томъ основаніи, чтобы въ случаѣ путешествія академиковъ въ отдаленныя области Россіи академія не оставалась безъ ученыхъ людей.

По проэкту Муравьева и его сотрудниковъ, число каѳедръ увеличено до двѣнадцати, и притомъ сдѣлана оговорка, что такое ограниченное число полагается при самомъ введеніи устава; впослѣдствіи же число академическихъ каѳедръ не только можетъ, но и должно быть постепенно увеличиваемо.

На первое время избраны слѣдующія каѳедры:

1) математики,
2) астрономіи,
3) химіи,
4) физики,
5) механики,
6) минералогіи,
7) ботаники,
8) зоологіи,
9) анатоміи,
10) умственной и дѣятельной философіи,
11) политической экономіи, комерціи и технологіи,
12) исторіи и статистики.

На каждую каѳедру полагалось по два академика или по одному академику и по одному адъюнкту, и для полученія званія адъюнкта по философіи, политической экономіи и исторіи, сверхъ

познаній въ избранной спеціальности, требовались основательныя свѣдѣнія какъ въ словесности древнихъ народовъ, греческой и римской, такъ и въ русской словесности или, какъ называли тогда, въ *письменахъ россійскихъ* (lettres, belles-lettres).

Прямо въ академики могли быть избираемы только лица, снискавшія уже славу своими сочиненіями или научными открытіями и изобрѣтеніями. Для выбора въ адъюнкты требовалась также извѣстность въ ученомъ мірѣ, пріобрѣтенная какимъ-либо ученымъ трудомъ или курсомъ какой-либо науки. Въ противномъ случаѣ, желающій вступить въ академію наукъ адъюнктомъ обязанъ былъ представить въ академію одно или два сочиненія и сверхъ того подвергнуться испытанію.

Еще требовательнѣе въ этомъ отношеніи былъ другой проэктъ того же времени. Только такіе ученые, — говорилось въ этомъ проэктѣ — которые стоятъ въ наукѣ на одной высотѣ съ Бургавами, Альбинами, Линнеями, имѣютъ право на званіе академика. Всѣ другія лица безъ исключенія могутъ вступить въ академію только адъюнктами и не иначе, какъ посредствомъ балотировки, причемъ если окажется хоть одинъ неизбирательный шаръ, кандидатъ въ адъюнкты подвергается весьма строгому испытанію: онъ долженъ доказать свою ученость шестью диссертаціями. . . .

Въ проэктѣ, представленномъ въ подлинной рукописи Фусса на французскомъ языкѣ, и наиболѣе подходящемъ въ цѣломъ къ утвержденному уставу, полагалось также двѣнадцать каѳедръ и семнадцать ординарныхъ академиковъ, по два на каѳедры:

1) матетатики,
2) астрономіи,
3) химіи,
4) минералогіи,
5) зоологіи,

и по одному академику на каѳедры:

6) экспериментальмой физики,
7) механики,

8) гидравлики,
9) ботаники,
10) анатоміи,
11) политической экономіи,
12) исторіи.

Регламентъ, не допуская раздѣленія наукъ на классы, постановлялъ, чтобы въ академіи имѣли своихъ представителей слѣдующія науки:

1) высшая астрономія,
2) математика,
3) химія,
4) зоологія,
5) технологія,
6) механика твердыхъ и жидкихъ тѣлъ,
7) физико-математика,
8) анатомія и физіологія,
9) ботаника,
10) минералогія,
11) политическая экономія и статистика,
12) исторія.

Для первыхъ шести каѳедръ полагалось по два, для остальныхъ шести по одному академику на каждую каѳедру. Общее число обязательныхъ членовъ академіи по регламенту полагалось 38; изъ нихъ—ординарныхъ академиковъ 18 и адъюнктовъ—20.

Первая обязанность академиковъ, по регламенту, состояла въ томъ, чтобы «употреблять всѣ силы свои къ усовершенствованію своей науки, къ обогащенію ея новыми открытіями и къ умноженію такимъ образомъ познаній человѣческихъ». Сообразно съ этою цѣлію запрещалось предлагать на мѣста академиковъ «людей неизвѣстныхъ и посредственныхъ: ученый, ищущій чести быть академикомъ, — сказано въ регламентѣ — долженъ быть извѣстенъ въ ученомъ свѣтѣ своими сочиненіями или полезными открытіями».

Вторая обязанность, возложенная регламентомъ на академиковъ, состояла въ томъ, чтобы каждый изъ нихъ, имѣя у себя одного воспитанника, руководилъ его научными занятіями, и всѣми мѣрами способствовалъ ему къ пріобрѣтенію познаній, дающихъ воспитаннику право на званіе адъюнкта, а впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи его ученой дѣятельности, и на званіе академика.

Къ общей всѣмъ академіямъ чисто-ученой цѣли проэкты александровскаго времени присоединяютъ и другую, имѣющую въ виду примѣнять знанія непосредственно къ пользѣ Россіи и къ просвѣщенію русскаго народа. Въ умахъ просвѣщеннѣйшихъ представителей александровской эпохи любовь къ наукѣ и любовь къ Россіи сливались въ одно нераздѣльное цѣлое, чуждое крайностей и незатемняемое никакими пристрастіями. По убѣжденію этихъ людей, академія должна стремиться къ тому, чтобы наука сдѣлалась у насъ природнымъ отечественнымъ произведеніемъ. Тоже самое утверждаютъ и современные намъ ученые. Почтенный сочленъ нашъ, г. непремѣнный секретарь академіи К. С. Веселовскій, доказывая, что академія наукъ есть въ настоящее время необходимость для Россіи, говоритъ: «Чѣмъ яснѣе обозначается мѣсто, принадлежащее великому народу русскому среди другихъ народовъ, тѣмъ болѣе мы должны желать, чтобы голосъ его слышался не только въ вопросахъ войны и мира Европы, но и въ вопросахъ ея цивилизаціи и науки. Отказаться отъ самостоятельныхъ занятій въ области расширенія человѣческихъ знаній мы не можемъ, ибо это значило бы осудить себя на постоянную зависимость отъ иностранной науки, а такое положеніе было бы несовмѣстно съ значеніемъ Россіи» [14]).

При преобразованіи академіи наукъ во времена Александра I полагали возможнымъ согласить чисто-ученыя стремленія академіи съ участіемъ ея въ распространеніи знаній въ Россіи. Отъ академіи наукъ ожидали двоякаго рода повременныхъ изданій, изъ которыхъ одно имѣло бы въ виду строгую науку, а другое — ея общеполезное примѣненіе. Между обоими изданіями

могла и должна была существовать живая внутренняя связь, и предпринимая ихъ, академія отнюдь не уклонялась отъ своего назначенія. Обстоятельство это старался выяснить академикъ Фуссъ въ запискѣ, составленной имъ по поводу предпринимаемыхъ изданій. Если прослѣдить — говоритъ Фуссъ — содержаніе мемуаровъ академій и ученыхъ обществъ Европы съ конца семнадцатаго столѣтія и до настоящаго времени, то нельзя не замѣтить взаимнаго и благотворнаго дѣйствія академій и ученыхъ обществъ на духъ времени и духа времени на ученыя общества и академіи. Такое взаимодѣйствіе выражается съ одной стороны въ расширеніи круга научныхъ изслѣдованій и въ возрастаніи числа ученыхъ, съ другой стороны—въ выборѣ предметовъ и въ самомъ способѣ ихъ изложенія. Ученыя корпораціи мало по малу выходили изъ своей замкнутости, обращая добытые ими результаты въ общее достояніе образованнаго міра. Посредствомъ этого академіи содѣйствовали распространенію знаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно доказывали значеніе науки не только теоретическое, но и практическое. Безъ свѣта науки практика ходитъ ощупью, и обращается въ эмпиризмъ, самый печальный по своимъ послѣдствіямъ. Часто разысканія, свиду мелочныя и безплодныя, приводятъ къ обширнымъ и важнымъ примѣненіямъ, и т. д. [15]). Записка Фусса показываетъ, какъ внимательно обдумывалась каждая черта академическаго устава, и какъ заботились о томъ, чтобы не возлагать на академію обязанностей, несообразныхъ съ ея достоинствомъ и съ современными требованіями науки. Изъ мотивовъ, приведенныхъ академикомъ Фуссомъ, видно, что не случайно, а на основаніи близкаго знакомства съ литературною дѣятельностію европейскихъ академій и ученыхъ обществъ, внесена въ регламентъ слѣдующая статья: «Академія продолжаетъ, по примѣру другихъ ученыхъ обществъ, ежегодно издавать одинъ томъ умозрительныхъ изслѣдованій своихъ какъ на россійскомъ, такъ и на латинскомъ или другомъ изъ извѣстнѣйшихъ европейскихъ языковъ. Равнымъ образомъ она должна ежегодно издавать на россійскомъ языкѣ одинъ томъ записокъ,

достойныхъ примѣчанія по своей практической пользѣ, подъ именемъ Технологическаго журнала».

Отвѣтомъ на первое требованіе этой статьи послужили повременныя изданія академіи наукъ:

1) Mémoires de l'académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg—собраніе академическихъ мемуаровъ съ 1803 по 1822 годъ, и

2) Умозрительныя изслѣдованія императорской санктпетербургской академіи наукъ.

Для выполненія втораго требованія издавались:

3) Технологическій журналъ или собраніе сочиненій и извѣстій, относящихся до технологіи и приложенія учиненныхъ въ наукахъ открытій къ практическому употребленію.

4) Прибавленіе къ технологическому журналу, заключающее въ себѣ извѣстія по математикѣ, физикѣ, химіи, минералогіи, зоологіи, ботаникѣ и др., и

5) Продолженіе технологическаго журнала, состоящее изъ ученыхъ извѣстій, имѣющихъ предметомъ приложеніе учиненныхъ въ наукахъ открытій къ практическому употребленію.

Дѣятельнымъ участникомъ въ преобразованіи академіи былъ любимецъ государя Новосильцовъ, попечитель петербургскаго учебнаго округа и президентъ академіи наукъ. Новосильцовъ повелъ дѣло съ обычною своею энергіею и нелюбовью къ проволочкамъ и выжиданіямъ. 14 февраля 1803 г. данъ былъ сенату указъ, въ которомъ говорится: «внимая ревностнымъ трудамъ по части народнаго просвѣщенія двора нашего дѣйствительнаго камергера Новосильцова, всемилостивѣйше опредѣляемъ его президентомъ академіи наукъ». 17 февраля Новосильцовъ получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго всѣ бумаги касательно приведенія академіи наукъ въ лучшее состояніе, а 15 іюня представилъ проэктъ устава, причемъ пояснилъ, что сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны относительно внутренняго управленія академіи, числа академиковъ, предметовъ ихъ занятій, и т. п. [16]).

25 іюля 1803 года былъ утвержденъ новый уставъ академіи наукъ. Привѣтствуя ученое собраніе съ этимъ достопамятнымъ событіемъ въ академической жизни, Новосильцовъ обратился къ академикамъ съ слѣдующею рѣчью:

«Прежде, нежели приступимъ къ слушанію журнала, позвольте, почтенные сочлены, съ чувствомъ живѣйшей радости объявить вамъ высочайшую милость, оказанную его императорскимъ величествомъ сей академіи. Достославный подвигъ монарха нашего, о которомъ спѣшу васъ увѣдомить, утверждая сей знаменитый и древній въ Россіи храмъ наукъ на незыблемомъ и высокому предназначенію его пристойномъ основаніи, открываетъ вамъ новые способы быть полезными отечеству, новыя средства достигать вышней степени совершенства и славы, и тѣмъ самымъ изъявить достойную благодарность великому его преобразителю.

«Чуждый пагубнаго мнѣнія, которое, къ стыду послѣднихъ временъ, заставляя мрачное невѣжество предпочитать успѣхамъ наукъ и художествъ, заграждало путь къ распространенію оныхъ, и увѣренъ будучи, что познаніе истинъ въ естественномъ ихъ порядкѣ и въ надлежащемъ между собою отношеніи, предметъ всѣхъ наукъ составляющее, обогащаетъ и украшаетъ разумъ, возвышаетъ духъ, чувствованія и добродѣтели человѣка, и убѣжденіемъ въ собственной пользѣ побуждаетъ чтить законы, любить отечество, быть вѣрнымъ подданнымъ и добрымъ гражданиномъ,—мудрый монархъ нашъ начерталъ правила народнаго просвѣщенія, которыя пребудутъ незабвенны въ лѣтописяхъ имперіи россійской, и, движимый собственнымъ побужденіемъ великой души своей, вскорѣ потомъ обратилъ вниманіе на главнѣйшій источникъ онаго—императорскую академію наукъ, разсмотрѣлъ ея регламентъ, изслѣдовалъ ея обязанности, измѣрилъ кругъ дѣятельности, исчислилъ средства ей предоставленныя, вникнулъ въ ея потребности, сравнилъ состояніе ея съ обстоятельствами времени, и наконецъ торжественнымъ актомъ, запечатлѣннымъ безпримѣрными щедротами его, утвердилъ ее, преобразилъ, возвысилъ.

«Почтенные члены! Теперь, осыпанные благодѣяніями монаршими, устремимся совокупными силами, единымъ духомъ, единымъ сердцемъ въ знаменитое поприще, намъ предлежащее, и потщимся оправдать предъ нашими согражданами и цѣлымъ свѣтомъ ожиданія всеавгустѣйшаго Александра и отечества» [17]).

Новый регламентъ заключалъ въ себѣ несомнѣнныя доказательства вниманія императора Александра I къ нуждамъ и потребностямъ академіи и уваженія къ ея ученому достоинству. Средства академіи болѣе нежели удвоены; дано торжественное обѣщаніе вспомоществовать ученымъ путешествіямъ по Россіи; въ знакъ особеннаго сочувствія къ наукѣ и просвѣщенію выражено желаніе посѣщать ежегодныя торжественныя собранія академіи наукъ, и т. п. Академія получала прежде 53,298 рублей въ годъ; императоръ Александръ I повелѣлъ отпускать ей ежегодно 120,000 рублей. Касательно ученыхъ путешествій въ регламентъ сказано слѣдующее: «Какъ усовершенствованіе географіи и физическаго познанія имперіи должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ вниманія академіи, то она по временамъ должна отправлять астрономовъ и натуралистовъ для путешествія по тѣмъ губерніямъ, коихъ географическое положеніе и естественныя произведенія недовольно еще извѣстны или описаны. Мы обѣщаемъ всегда вспомоществовать ей въ такихъ полезныхъ предпріятіяхъ и содѣйствовать исполненію оныхъ тѣми мѣрами, кои не зависятъ отъ самой академіи». Объ академическихъ собраніяхъ, раздѣляющихся на торжественныя, экстраординарныя и обыкновенныя, сказано въ регламентѣ: «Торжественныя собранія имѣютъ быть ежегодно въ день преобразованія академіи по новому ея регламенту. Академія извѣщаетъ о томъ въ вѣдомостяхъ, и приглашаетъ въ торжественное свое собраніе не только почетныхъ членовъ и корреспондентовъ, но и другихъ ученыхъ и отличныхъ любителей наукъ. Обращая особенное вниманіе на полезныя знанія, Мы сами за удовольствіе себѣ поставимъ посѣщать таковыя собранія», и т. д.

При вступленіи императора Александра I на престолъ въ

академической средѣ были еще ученые, прославившіеся во времена Екатерины II: Румовскій, Палласъ, Лепехинъ, Иноходцевъ, Озерецковскій и другіе. Лепехинъ и Иноходцевъ умерли въ началѣ царствованія Александра I, Румовскій и Палласъ—въ срединѣ его. Озерецковскій и Севергинъ дожили до слѣдующаго царствованія. Въ александровскій періодъ, съ 1802 по 1823 годъ, вступило въ академію 30 дѣйствительныхъ членовъ; но къ сожалѣнію, академія лишилась ровно половины своихъ новыхъ членовъ втеченіе того же самаго періода. Шесть изъ нихъ умерли и девять покинули академію по разнымъ причинамъ. Изъ этихъ девяти пять пробыли въ академіи отъ тринадцати до девяти лѣтъ; одинъ — шесть лѣтъ; одинъ—четыре года; одинъ—два года, и одинъ — всего одинъ годъ. Въ александровскій періодъ вступили въ академію слѣдующіе академики:

По *математикѣ*: Висковатовъ (1803—1812).
Коллинсъ (съ 1814).
Фуссъ (съ 1818).

По *астрономіи*: Вишневскій (съ 1804).
Горнеръ (1806—1808).
Тархановъ (съ 1822).

По *химіи*: Волковъ (1803—1809).
Шереръ (1805—1824).
Кирхгофъ (1809—1818).

По *зоологіи*: Адамсъ (1805—1809).
Пандеръ (съ 1821).

По *технологіи*: Нассе (1805—1817).

По *экспериментальной физикѣ*: Петровъ (съ 1807).

По *анатоміи и физіологіи*: Загорскій (съ 1805).

По *естественной исторіи*: Тилезіусъ-фонъ-Тилезау (1806—1817).

По *ботаникѣ*: Смѣловскій (1802—1815).
Рудольфъ (1804—1809).
Редовскій (1805—1807).

Лангсдорфъ (съ 1808).
Триніусъ (съ 1823).
По *минералогіи*: Шлегельмильхъ (1808—1820).
По *статистикѣ и политической экономіи*:
Шторхъ (съ 1804).
Германъ (съ 1805).
По *исторіи*: Кругъ (съ 1805).
Лербергъ (1807—1813).
По *греческой и римской словесности и древностямъ*:
Келеръ (съ 1817).
Грефе (съ 1820).
По *восточнымъ языкамъ*: Клапротъ (1804—1817).
Френъ (съ 1817).
Ярцовъ (1818—1819).

Выбыли изъ академіи: Клапротъ, Шлегельмильхъ, Нассе, Тилезіусъ-фонъ-Тилезау, Кирхгофъ, Волковъ, Адамсъ, Горнеръ и Ярцовъ. Умерли: Смѣловскій, Висковатовъ, Рудольфъ, Шереръ, Редовскій и Лербергъ.

Несмотря на такія потери и на другія неблагопріятныя обстоятельства, академія продолжала свою ученую дѣятельность, обогащая науку новыми и важными данными. Продолжалось и завѣщанное Палласомъ и Лепехинымъ ихъ ученымъ преемникамъ всестороннее изученіе Россіи, особенностей ея природы, нравовъ и обычаевъ ея жителей, и т. п. Озерецковскій совершилъ путешествіе по петербургской и новгородской губерніямъ, къ верховьямъ Волги и на озеро Селигеръ, Севергинъ путешествовалъ по западному краю Россіи и по Финляндіи. Редовскій палъ жертвою своей любознательности во время ученаго путешествія по Сибири. По замѣчанію академика Фусса, «путешествія Озерецковскаго, Редовскаго, Адамса, нашедшаго во льдахъ свѣжее тѣло мамонта, также путешествія Тилезіуса и Лангсдорфа, ученыхъ естествоиспытателей, участвовавшихъ въ славной экспедиціи Крузенштерна, равно обогатили естественныя науки и зоологическій кабинетъ нашъ» [18]).

Къ числу замѣчательнѣйшихъ ученыхъ принадлежалъ безспорно академикъ Вишневскій. Въ запискѣ, представленной въ конференцію академіи наукъ въ 1815 году, ближайшіе свидѣтели трудовъ Вишневскаго, вполнѣ понимавшіе значеніе ихъ для науки, говорили о немъ слѣдующее: «Впродолженіе уже девяти лѣтъ Вишневскій путешествуетъ по Россіи, отрекаясь отъ всѣхъ житейскихъ удобностей и наслажденій, перенося великія тягости, подвергаясь опасностямъ, и жертвуя здравіемъ и цвѣтущими лѣтами своея жизни службѣ государственной и чести академіи. Опредѣливъ безчисленными астрономическими наблюденіями географическое положеніе болѣе 300 мѣстъ, Вишневскій пріобрѣлъ себѣ неоспоримое право на признательность правительства, коему онъ доставилъ способы къ составленію точныхъ картъ россійской имперіи, и на благодарность академіи, которая одолжена ему честію, что могла государству оказать сію услугу. Во время сихъ путешествій, съ толиками трудностями сопряженныхъ, Вишневскій успѣлъ еще отыскать большую комету 1811 года и сдѣлать надъ оною 29 наблюденій, по вторичномъ ея появленіи въ 1812 году, въ такое время, когда во Франціи и Италіи, подъ яснымъ небомъ сихъ странъ и при гораздо достаточнѣйшихъ способахъ, астрономы тщетно отыскивали сіе свѣтило, — каковое открытіе толикую же какъ ему, такъ и академіи приноситъ честь, колико оно важно для астрономіи» [19].

И въ другой отрасли знаній — въ наукахъ, каѳедры которыхъ открыты въ академіи при Александрѣ I, заслуги академиковъ не подлежатъ сомнѣнію. Въ исторіи нашей академіи и научной дѣятельности въ Россіи вообще навсегда сохранятся имена Круга, Лерберга, Френа, Шторха, и другихъ ученыхъ. Критическія разысканія Круга о древнихъ русскихъ монетахъ; изслѣдованія Лерберга, служащія къ объясненію русской исторіи, и многіе другіе труды нашихъ ученыхъ давно уже оцѣнены по достоинству. Въ историческомъ обозрѣніи трудовъ академіи наукъ на пользу Россіи находимъ слѣдующій отзывъ о дѣятельности академика Френа: «Съ воодушевленіемъ, подобнымъ тому, какое овладѣло

отличнѣйшими умами на западѣ при возрожденіи эллинскаго классицизма, Френъ принялся за водвореніе въ Россіи изученія мусульманскаго востока въ историческомъ, географическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. Посвятивъ всю свою жизнь этому предмету, обладая самъ глубокими и обширными познаніями въ арабской, персидской и турецкой словесностяхъ, Френъ пролилъ новый свѣтъ на всю эту отрасль литературы. Обогативъ или даже учредивъ собственными усиліями восточныя библіотеки, собранія восточныхъ рукописей и монетъ не только при академіи, но и въ разныхъ другихъ нашихъ центрахъ научной дѣятельности, онъ облегчилъ и другимъ пониманіе востока, его народовъ и ихъ своеобразной словесности. Френъ, можно сказать, создалъ совершенно новую науку — мусульманскую нумизматику. Важны также услуги, оказанныя имъ отечественной исторіи и географіи изданіемъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ восточныхъ писателей и относящихся до Россіи» и т. д. [20]).

При всемъ желаніи нашемъ ограничиться самыми краткими замѣтками, мы не можемъ не упомянуть о замѣчательномъ трудѣ, явившемся въ началѣ нашего столѣтія и сохраняющемъ до сихъ поръ свое важное значеніе: онъ служитъ въ высшей степени цѣннымъ и необходимымъ пособіемъ для изученія эпохи Александра I. Мы говоримъ о трудѣ академика Шторха: Россія въ царствованіе Александра I [21]). Будучи свидѣтелемъ событій, совершавшихся въ Россіи въ первые года царствованія императора Александра I, Шторхъ рѣшился представить живую и вѣрную картину дѣйствій и преобразованій, происходившихъ какъ въ государственной, такъ и въ умственной жизни русскаго народа. Онъ заносилъ на страницы своего изданія каждое замѣчательное и любопытное явленіе въ области наукъ, искусствъ, народнаго просвѣщенія, торговли, государственнаго управленія, и т. д.; каждую черту, ярко и мѣтко рисующую время, которое переживала тогда Россія. Чтобы видѣть, какъ добросовѣстно относился Шторхъ къ предпринятой имъ работѣ, и какое значеніе имѣетъ она для знакомства съ изображаемою эпохою, укажемъ на тотъ отдѣлъ,

который посвященъ русской литературѣ и изданъ подъ заглавіемъ: Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи втеченіе пятилѣтія, съ 1801 по 1806 годъ. Независимо отъ точнаго указанія книгъ, вышедшихъ на русскомъ языкѣ въ первое пятилѣтіе царствованія Александра I, а также отдѣльныхъ статей и рецензій, весьма любопытны заключительные выводы, дающіе наглядное понятіе о литературной производительности того времени. Всего втеченіе пятилѣтія вышло 756 оригинальныхъ сочиненій и 548 переводовъ. Особенно много издано богословскихъ сочиненій и романовъ. По богословію вышло 213 сочиненій, изъ которыхъ 175 оригинальныхъ и только 38 переводныхъ. Наоборотъ, изъ числа 210 романовъ—175 переводныхъ и только 35 оригинальныхъ. По естественнымъ наукамъ вышло 33 сочиненія, по математикѣ 32, по военнымъ наукамъ 20, по законовѣдѣнію 19, и т. д. Переводовъ съ французскаго появилось почти столько же, сколько со всѣхъ остальныхъ языковъ. Съ нѣмецкаго вышло 194 перевода, съ англійскаго 24, съ греческаго 22, съ латинскаго 20, съ шведскаго 2, съ итальянскаго 1, и т. д. Наибольшее число переводовъ сдѣлано изъ сочиненій Вольтера, Монтескье, Руссо, Августа Лафонтена, госпожи Жанлисъ, Мейснера, Эккартсгаузена, и др. Особенно много переводилось изъ Вольтера: выходили и отдѣльныя повѣсти, романы и поэмы, и собраніе сочиненій, и отрывки и извлеченія, и переписка Вольтера съ Екатериною II и переписка его съ д'Аламберомъ. Переписка съ Екатериною II вышла въ трехъ переводахъ. Изъ Руссо переведены: новая Элоиза, отрывки изъ Эмиля, ефраимскій левитъ, избранныя мысли, исповѣдь. Изъ Монтескье: духъ законовъ, поэма: храмъ Венеры на островѣ Книдѣ, рѣчь по случаю возобновленія бордоскаго парламента, и др.

Любопытную черту того времени представляютъ статистическія данныя, показывающія, говоря словами Шторха, изъ какихъ классовъ гражданскаго общества составлена была республика писателей александровскаго времени. Извѣстно, что въ восемнадцатомъ столѣтіи вельможи и сановники весьма недруже-

любно смотрѣли на людей, занимающихся литературою. Это обстоятельство заставило русскихъ писателей подать Екатеринѣ II челобитную, въ которой говорилось, что многіе знатные невѣжды, жалуемые въ умные люди по разнымъ торжественнымъ днямъ, считаютъ литературныя занятія чуть не уголовнымъ преступленіемъ. Редакція Собесѣдника убѣждала Екатерину продолжать свое сотрудничество въ этомъ журналѣ, чтобы обезоружить начальниковъ, преслѣдовавшихъ всякаго, въ комъ замѣчали умъ и любовь къ литературѣ [22]). Собственный примѣръ Екатерины II, ея непосредственное, всѣмъ извѣстное участіе въ литературныхъ трудахъ и предпріятіяхъ, въ значительной степени ослабили предразсудки родовой знати и выслужившагося чиновничества. Въ первые года царствованія питомца Екатерины II большая часть писателей принадлежала, по замѣчанію Шторха, къ дворянству, т. е. къ природному дворянству, ибо если разумѣть заслуженное дворянство, то почти всѣ писатели оказались бы дворянами. Изъ росписи, составленной Шторхомъ, оказывается, что въ началѣ девятнадцатаго столѣтія въ числѣ русскихъ писателей были: 10 князей, 6 графовъ, 3 министра, 2 посланника, 1 генералъ, 2 адмирала, 2 митрополита, 6 архіепископовъ, 4 епископа, 7 архимандритовъ, 4 сенатора, 2 губернатора, 6 дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, 10 тайныхъ совѣтниковъ, многіе начальники департаментовъ, и т. д. «Если бы нужно было еще доказывать,— прибавляетъ Шторхъ—что науки въ Россіи уважаются, то таковое первѣйшихъ чиновниковъ участіе въ учености могло бы служить достаточнѣйшимъ доказательствомъ».

Преобразовывая академію наукъ, императоръ Александръ I обратилъ вниманіе и на другое учрежденіе, слившееся впослѣдствіи съ академіею наукъ, но болѣе полувѣка существовавшее самостоятельно, именно на россійскую академію. Въ возстановленіи россійской академіи особенно ярко выразилось уваженіе Александра I къ памяти Екатерины II: Россійская академія была

любимымъ созданіемъ государыни-писательницы, такъ искренно дорожившей успѣхами русскаго языка и словесности. Сочувствіе къ академіи выразилось въ дѣйствіяхъ Екатерины II, и какъ писательницы, и какъ государыни: Екатерина охотно принимала на себя литературныя работы, собирала матеріалы для академическаго словаря; предоставила въ распоряженіе академіи весьма значительныя суммы; назначила президентомъ ея своего друга— также русскую писательницу, княгиню Дашкову, и т. п. Россійская академія являлась живымъ памятникомъ временъ Екатерины II и господствовавшихъ тогда понятій и стремленій. Преемникъ Екатерины, императоръ Павелъ I, какъ извѣстно, неособенно цѣнилъ подобнаго рода памятники: вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ онъ сослалъ президента россійской академіи въ ссылку, и лишилъ академію денежныхъ ея средствъ, а вслѣдъ за тѣмъ и помѣщенія, передавъ принадлежавшіе ей дома въ другое вѣдомство. Любопытно, что офиціальное извѣстіе объ отнятіи академическихъ суммъ произвело на академиковъ весьма пріятное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что академики, зная образъ мыслей государя, съ часу на часъ ожидали закрытія академіи; въ объявленномъ же имъ повелѣніи говорилось, что академіи предоставляется содержать себя своими собственными средствами, слѣдовательно признавалось за нею право на существованіе. Въ протоколѣ академическаго собранія записано, что повелѣніе, прекратившее отпускъ назначенныхъ академіи суммъ, «подтверждающее существованіе россійской академіи, принято съ достодолжнымъ благоговѣніемъ» [23]). Императоръ Александръ I, по вступленіи своемъ на престолъ, повелѣлъ снова отпускать на содержаніе россійской академіи сумму, назначенную ей Екатериною II, и далъ средства для постройки зданія, въ которомъ и помѣщалась съ тѣхъ поръ академія. Члены россійской академіи александровскаго времени выбрали своимъ президентомъ то самое лицо, которое избрано было Екатериною II при самомъ учрежденіи академіи. . . .

Не останавливаясь на дальнѣйшей судьбѣ россійской ака-

деміи, скажу только, что въ числѣ членовъ ея во времена Александра I находился знаменитый филологъ Востоковъ, бывшій и тогда и въ послѣдующій періодъ однимъ изъ самыхъ яркихъ свѣтилъ нашей академіи и русской науки вообще.

Изъ всѣхъ событій, совершившихся въ началѣ царствованія Александра I въ области народнаго просвѣщенія, особенно выдается по своимъ благотворнымъ послѣдствіямъ — учрежденіе и преобразованіе университетовъ. И въ этомъ великомъ дѣлѣ Александръ I является до нѣкоторой степени продолжателемъ Екатерины II. Извѣстно, что Екатерина II имѣла твердое намѣреніе учредить въ Россіи университеты: выбраны были мѣста для нихъ — Черниговъ, Пенза и Псковъ; составленъ общій планъ университетовъ, и внесена въ государственный банкъ весьма значительная сумма именно съ этою цѣлью—для открываемыхъ въ Россіи университетовъ.

Исторія учрежденія русскихъ университетовъ напоминаетъ нѣкоторыя черты изъ исторіи нашей академіи наукъ въ первыя времена ея существованія. И для университетовъ оказалась также необходимость пригласить на первыхъ порахъ не мало иностранныхъ ученыхъ; возникалъ тотъ же роковой вопросъ — не преждевременно ли открывать высшіе разсадники наукъ, когда еще нѣтъ самаго главнаго — народныхъ школъ, и т. д.

Какъ ни кажется убѣдительною мысль, что университеты и академіи должны служить вѣнцомъ, а не началомъ просвѣтительной дѣятельности, при болѣе глубокомъ изученіи дѣла открывается, что система, принятая при Александрѣ I, заключаетъ въ себѣ не кажущійся, а дѣйствительный и прочный залогъ дальнѣйшаго движенія образованности въ Россіи.

Въ планѣ университетовъ, составленномъ екатерининскою коммиссіею о народныхъ училищахъ, читаемъ слѣдующее: «По расположенію самой природы начальное ученіе долженствуетъ всегда предшествовать ученію вышнихъ школъ. Вышнія училища какъ бы хорошо устроены ни были, но если нѣтъ въ томъ же государствѣ

достаточнаго числа нижнихъ школъ, въ коихъ бы юношество пріобрѣтало первоначальныя въ наукахъ знанія, то науки неминуемо останутся токмо въ университетахъ и академіяхъ, а народъ пребудетъ въ невѣжествѣ. Университеты и всѣ вышнія училища вообще, существующія въ другихъ государствахъ, приносятъ ожидаемую пользу, и распространяютъ успѣшно въ народѣ просвѣщеніе и потому, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ коихъ учреждены порядочные университеты и академіи, учреждены также въ великомъ числѣ и народныя школы, въ которыхъ юноши пріобрѣтаютъ познаніе языковъ и первоначальныхъ наукъ, слѣдственно приходятъ въ университеты пріуготовленными и сдѣлавшись способными къ пріобрѣтенію знанія въ вышнихъ школахъ. Нынѣ не можетъ уже недостатокъ въ народныхъ школахъ препятствовать вышнимъ заводимымъ училищамъ приносить Россіи пользу и распространять отъ себя въ народѣ просвѣщеніе, ибо ея величество прежде устроенія университетовъ повелѣть изволила учредить народныя училища, которыя уже и учреждены въ 26 губерніяхъ имперіи. Слѣдовательно, россіянамъ открыты нынѣ пути къ просвѣщенію, чрезъ которые желающіе пріобрѣсти знаніе вышнихъ наукъ могутъ доходить и до ученія университетскаго» [24]).

Въ статьѣ своей о новомъ и обширномъ планѣ народнаго образованія, написанной подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, Карамзинъ говоритъ: «Петръ Великій учредилъ первую академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета первый университетъ, великая Екатерина городскія школы; но Александръ, размножая университеты и гимназіи, говоритъ еще: да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ! Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи моральнаго образованія Россіи, которое есть корень государственнаго величія, и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою монарховъ, не отечества, не народа..... Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ *народнымъ* учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Между людьми, кото-

рые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми метафизиками въ свѣтѣ. Исторія ума представляетъ двѣ главныя эпохи: изобрѣтеніе буквъ и типографіи; всѣ другія были ихъ слѣдствіемъ. Чтеніе и письмо открываютъ человѣку новый міръ, особливо въ наше время, при нынѣшнихъ успѣхахъ разума», и т. д. [25]).

Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ писателей, и во главѣ ихъ извѣстный нѣмецкій историкъ Гервинусъ, считаютъ реформы александровскаго времени болѣе или менѣе призрачными, и указываютъ на то, что были построены блестящія верхушки — академіи и университеты, а необходимыя основы зданія едва, едва закладывались: народныя школы существовали только на бумагѣ. [26])

Но чѣмъ важнѣе, по существу своему, учрежденіе народныхъ школъ, тѣмъ необходимѣе дать этому дѣлу твердую опору и призвать къ участію въ немъ людей вполнѣ приготовленныхъ и дѣйствительно способныхъ быть распространителями знаній въ обществѣ и народѣ. Откуда же добыть подобныхъ людей и кому ввѣрить ихъ образованіе? Основательное рѣшеніе этого вопроса бросаетъ свѣтъ на тѣсную, неразрывную связь училищъ, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ. Ученые и писатели, какъ только изъ области теоріи обращались къ условіямъ дѣйствительной жизни, приходили къ такому же заключенію, къ какому пришли и знаменитые сподвижники Александра I въ дѣлѣ народнаго образованія. По замѣчанію Шторха, удивляться тому, что дѣло это начато съ университетовъ, можетъ только тотъ, кто незнакомъ съ настоящимъ положеніемъ вещей: чтобы устроить школы на прочномъ основаніи и обезпечить дальнѣйшее развитіе учебнаго дѣла, необходимо учрежденіе университетовъ, которые одни въ состояніи организовать послѣдовательный рядъ училищъ, удовлетворяющихъ какъ научнымъ требованіямъ, постепенно возрастающимъ, такъ и разнообразнымъ мѣстнымъ условіямъ. Самъ Карамзинъ, будучи горячимъ приверженцемъ народныхъ школъ, является въ тоже время защитникомъ университетовъ, какъ проводни-

ковъ образованія въ народныя массы. Опровергая возраженія скептиковъ, онъ указываетъ на университеты какъ на единственный источникъ для образованія учителей, необходимыхъ для уѣздныхъ и губернскихъ школъ. Ученики университетскихъ питомцевъ могутъ въ свою очередь быть учителями въ народныхъ школахъ. Для этой цѣли слѣдуетъ умножить число «народныхъ или государственныхъ» воспитанниковъ при гимназіи, и т. д. [27])

Лица, призванныя императоромъ Александромъ къ устройству университетовъ, останутся навсегда памятными въ исторіи русской образованности и русской общественной жизни. Академія наукъ съ справедливою гордостью можетъ занести въ лѣтописи свои тотъ фактъ, что внутреннее управленіе русскихъ университетовъ устроено по плану, составленному *академикомъ* Озерецковскимъ. Свѣтлымъ умомъ своимъ понимая весь вредъ бюрократіи, пустившей со временъ бироновщины цѣпкіе корни во многія учрежденія, Озерецковскій былъ энергическимъ защитникомъ выборнаго начала. По уставу, утвержденному императоромъ Александромъ I, *совѣтъ* университета являлся средоточіемъ университетской жизни и охранителемъ научнаго и нравственнаго достоинства ученой корпораціи. Совѣту университета законъ предоставлялъ и выборъ профессоровъ и выборъ ректора. Самъ императоръ Александръ цѣнилъ и уважалъ выборное начало, что положительно доказываютъ не только утвержденныя имъ постановленія, но и собственноручныя помѣтки его на нѣкоторыхъ докладахъ. А какъ отнеслись къ устройству университетовъ въ духѣ выборнаго начала лучшіе люди тогдашней Россіи, видно изъ сужденій Карамзина, высказанныхъ имъ по этому поводу. «Ученыя мѣста—говоритъ онъ—должны зависѣть только отъ ученыхъ. Довѣренность, изъявляемая монархомъ къ собранію профессоровъ еще болѣе возвышаетъ сей истинно-благородный санъ. Лучшій способъ сдѣлать людей достойными уваженія есть уважать ихъ». [28])

Устройство александровскихъ университетовъ замѣчательно и въ другомъ отношеніи. Оно узаконивало тотъ порядокъ вещей, начало котораго восходитъ къ учрежденію перваго университета

въ Россіи, въ восемнадцатомъ столѣтіи. Открывая свои аудиторіи для всѣхъ ищущихъ свѣта науки, университеты содѣйствовали ослабленію сословной розни, постепенно вели къ тому признанію человѣческаго достоинства, которое проявилось въ наше время въ освобожденіи крестьянъ, въ учрежденіи суда присяжныхъ, выбираемыхъ изъ всѣхъ сословій, и т. п. Такое допущеніе всѣхъ въ университетскія аудиторіи шло въ разрѣзъ съ упорными предразсудками нѣкоторой части общества. Въ печати того времени высказывалось, иногда весьма наивно, желаніе примѣнить сословную рознь и къ наукамъ и къ искусствамъ. Въ законахъ нашихъ, по замѣчанію одного автора, права и выгоды идутъ въ восходящемъ порядкѣ, и образуютъ пирамидальную лѣстницу съ двумя противоположностями: внизу — крѣпостные крестьяне, вверху—дворяне-помѣщики. Съ этою градаціею должна сообразоваться архитектура. Дома дворянскихъ собраній должны строиться съ такимъ великолѣпіемъ, которое бы производило военное или грозное впечатлѣніе; окна въ домахъ дворянскихъ собраній должны имѣть видъ оконъ Соломонова храма. Умѣренность и скромность должна быть какъ въ нравахъ, такъ и въ постройкахъ средняго сословія; надъ магистратомъ необходима башня съ часами, чтобы лица средняго сословія, во всякое время зная часы, могли вести жизнь однообразную, наиболѣе свойственную ихъ сословію. Изба для крестьянскихъ сходокъ должна строиться въ одинъ, а отнюдь не въ два этажа; необходимая ея принадлежность — тюрьма для заключенія строптивыхъ, и т. п.[29])

Подобныя измышленія вызывали улыбку даже у тѣхъ, которымъ сословная лѣстница съ восходящими выгодами и преимуществами приходилась по сердцу. Другіе поступали осторожнѣе наивнаго автора, и придавали своимъ любимымъ взглядамъ менѣе рѣзкую оболочку. Преодолѣть давніе предразсудки было нелегко. Дворяне предпочитали военную службу, не отказывались и отъ гражданскихъ мѣстъ, какъ напримѣръ отъ должности судьи, но упорно избѣгали ученаго званія. Почти всѣ русскіе академики восемнадцатаго столѣтія вышли изъ крестьянскаго сословія; почти

всѣ профессоры русскихъ университетовъ начала девятнадцатаго вѣка происходили изъ духовнаго званія. Публицисты времени учрежденія университетовъ въ Россіи вынуждены были доказывать, что ученое званіе есть званіе благородное, не унижающее, а возвышающее дворянина: «Что въ самомъ дѣлѣ священнѣе храма наукъ, сего единственнаго мѣста, гдѣ человѣкъ можетъ гордиться саномъ своимъ въ мірѣ, среди богатствъ разума и великихъ идей? Воинъ и судья необходимы въ гражданскомъ обществѣ; но сія необходимость горестна для человѣка. Успѣхи просвѣщенія должны болѣе и болѣе удалять государства отъ кровопролитія, а людей отъ раздоровъ и преступленій: какъ же благородно ученое состояніе, котораго дѣло есть возвышать насъ умственно и приближать счастливую эпоху порядка, мира, благоденствія».... [30])

Не внѣшнимъ блескомъ, не случайностію происхожденія, а внутреннею силою таланта и знаній отличались люди, съ честію послужившіе наукѣ и много сдѣлавшіе для распространенія и знаній въ Россіи.

Слова великаго писателя: «лучшій способъ сдѣлать людей достойными уваженія есть уважать ихъ» — вполнѣ оправдались въ примѣненіи къ университетамъ.

Университеты, заключавшіе въ самомъ устройствѣ своемъ прекрасные задатки, дорожили своимъ достоинствомъ, и опытъ доказалъ, сколько добра принесло выборное начало, предоставленное университетскимъ совѣтамъ. Какъ ясно понимали они требованія науки, и какъ высоко цѣнили званіе ученаго, видно уже изъ того, что на каѳедру русской исторіи выбранъ былъ исторіографъ Карамзинъ, а на каѳедру древнихъ литературъ Фридрихъ Августъ Вольфъ, труды котораго составляютъ эпоху въ классической филологіи. Вольфъ избранъ совѣтомъ харьковскаго университета въ тотъ самый годъ, когда явился его очеркъ науки древности (darstellung der alterthumswissenschaft)—сочиненіе, которое и теперь, спустя ровно семьдесятъ лѣтъ, признается классическимъ, и представляетъ лучшій отвѣтъ на одинъ изъ самыхъ

живыхъ вопросовъ современной науки[31]). Лица, съ честію занимавшія каѳедры въ университетахъ александровскаго времени, пріобрѣли себѣ вполнѣ заслуженную извѣстность и въ Россіи и въ иностранномъ ученомъ мірѣ. Профессора казанскаго университета Бартельса Лапласъ признавалъ однимъ изъ первыхъ математиковъ своего времени. Профессоръ харьковскаго университета Осиповскій обладалъ рѣдкимъ математическимъ дарованіемъ, какъ утверждаютъ академики Остроградскій и Сомовъ, близко знакомые съ трудами Осиповскаго и цѣнившіе весьма высоко ихъ научное достоинство; труды харьковскаго профессора обратили на себя вниманіе парижской академіи, весьма строгой въ своихъ приговорахъ, особенно въ отношеніи къ иностранцамъ. Профессоръ Мерзляковъ занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи русской словесности, и справедливо признается основателемъ русской критики; слушатели его университетскихъ лекцій отзывались о нихъ съ восторгомъ; его произведенія служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ заслугъ его и какъ ученаго и какъ писателя. Не исчисляемъ ни именъ, ни заслугъ первыхъ представителей науки въ нашихъ университетахъ: мы уже имѣли случай подробно говорить о научной дѣятельности русскихъ университетовъ въ эпоху Александра I.

Духъ науки, внесенный въ наши университеты ихъ первыми дѣятелями, развивался все сильнѣе и сильнѣе, оказывая благотворное вліяніе на всѣ послѣдующія поколѣнія. Исторія русской литературы и просвѣщенія подтверждаетъ это многими доказательствами. Изъ университетовъ, и преимущественно изъ университетовъ, выходили и выходятъ труженики, проникнутые живою, искреннею любовью къ наукѣ, неугасающею подъ гнетомъ невзгодъ и лишеній, и недоступною для приманокъ внѣшняго блеска и житейскихъ выгодъ. Предоставляя статистикѣ народной образованности опредѣлить число научныхъ дѣятелей по различнымъ отраслямъ знанія, вышедшихъ изъ университетовъ, позволяю себѣ замѣтить, что между членами академіи наукъ постоянно увеличивается число лицъ, обязанныхъ своимъ образованіемъ рус-

скимъ университетамъ. Изъ 37 дѣйствительныхъ членовъ академіи наукъ настоящаго времени только 7 получили свое образованіе исключительно заграницею, въ иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Всѣ остальные получили образованіе въ Россіи, преимущественно въ университетахъ и отчасти въ другихъ заведеніяхъ, учрежденныхъ или только преобразованныхъ также при императорѣ Александрѣ I. Изъ числа 30 академиковъ, — одинъ началъ свое образованіе въ Москвѣ, а довершилъ въ Парижѣ, гдѣ и пріобрѣлъ ученую степень доктора въ избранной имъ спеціальности; одинъ, родившійся въ Москвѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, хотя и не вступалъ въ студенты, но учился подъ руководствомъ профессоровъ московскаго университета, и пользовался ихъ лекціями; одинъ воспитывался въ кіевской духовной академіи; одинъ въ горномъ корпусѣ; одинъ въ артиллерійскомъ училищѣ; четыре въ царскосельскомъ лицеѣ, учрежденномъ Александромъ I, и 21 въ пяти русскихъ университетахъ, а именно:

8 — въ дерптскомъ,
5 — въ московскомъ,
3 — въ казанскомъ,
3 — въ петербургскомъ и
2 — въ харьковскомъ.

Академія наукъ соединяетъ въ себѣ ученыхъ различныхъ поколѣній, и служитъ живою связью двухъ достопамятныхъ эпохъ въ жизни русскихъ университетовъ: учрежденія и преобразованія университетовъ при Александрѣ I и дарованія имъ новаго устава императоромъ Александромъ II. Старѣйшій изъ нашихъ академиковъ вступилъ въ университетъ при самомъ учрежденіи его Александромъ I, и кончилъ курсъ въ 1808 году. Самый младшій изъ академиковъ поступилъ въ университетъ при первомъ введеніи новаго устава, дарованнаго Александромъ II, и окончилъ курсъ въ 1867 году.

Великое, непреходящее значеніе и несокрушимая сила тѣхъ благотворныхъ началъ, которыя внесены въ университетскую

жизнь при первомъ ея устройствѣ, доказываются всею послѣдующею судьбою русскихъ университетовъ. Начавши свою дѣятельность при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, напутствуемые сочувствіемъ лучшихъ, просвѣщеннѣйшихъ людей русскаго общества, университеты наши выдержали впослѣдствіи весьма тяжкое испытаніе. Не напрасно благородный и проницательный Карамзинъ предостерегалъ Александра I отъ злыхъ совѣтниковъ, недостойныхъ довѣрія государя, но желавшихъ быть его любимцами. Подъ благовиднымъ предлогомъ усердія къ религіи и къ пользамъ государства, но въ дѣйствительности руководимые своекорыстными разсчетами, враги науки и просвѣщенія возстали противъ университетовъ, и думали наложить оковы на человѣческую мысль, забывая, что

Надъ вольной мыслью Богу неугодны
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободна,
Въ оковахъ не умретъ.... [32]).

И она не умерла. Университеты побѣдоносно вышли изъ борьбы, которая еще болѣе возвысила ихъ нравственное достоинство, и дала имъ новыя силы продолжать свою просвѣтительную дѣятельность. Начало этой дѣятельности восходитъ къ первымъ годамъ царствованія императора Александра I, и какого бы развитія не достигли наши университеты въ настоящемъ и въ будущемъ, какъ бы ни были велики заслуги ихъ и передъ наукою и передъ Россіею, никогда не померкнетъ слава и не умалится значеніе полной историческаго смысла, создавшей систему народнаго образованія, эпохи Александра I.

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Съ давнихъ временъ оды по случаю рожденія пишутся на одинъ и тотъ же ладъ: все тѣже желанія и предсказанія, тѣже обращенія къ природѣ, измѣняющей свои непреложные законы — вѣтры перестаютъ дуть, зимой появляются весенніе цвѣты, съ лица земли исчезаетъ печаль и горе, и водворяется общая радость и веселье. Первообразомъ подобнаго рода стихотвореній служитъ эклога Виргилія, въ которой онъ воспѣваетъ рожденіе сына у римскаго вельможи, возвратившаго поэту отнятое у него имѣніе. Признательный поэтъ не поскупился на выраженіе своихъ чувствъ, и изобразилъ новорожденнаго въ такомъ необычайномъ свѣтѣ, что коментаторы терялись въ догадкахъ о чудесномъ младенцѣ: одни видѣли въ немъ сына императора Августа; другіе и весьма многіе искали въ эклогѣ таинственнаго смысла—пророчества о рожденіи Іисуса Христа. Вотъ нѣсколько строкъ эклоги Виргилія въ русскомъ переводѣ писателя Александровскаго времени.

Астрея на земли! Сатурнъ свой тронъ вознесъ,
И племя новое низводится съ небесъ.
. . . . . . Зло кругъ земной оставитъ,
Младенецъ путь боговъ въ путяхъ своихъ прославитъ. . .
Погибнетъ всякъ недугъ, всѣ язвы, всякій ядъ,
Погибнетъ! здѣсь востокъ раскроетъ пышный садъ. . . .

(Подражаніе и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ. А. Мерзлякова. 1826. Часть II, стр. 211—219.)

Въ подлинникѣ въ четвертой эклогѣ Виргилія (Pollio);

....Magnus al integro saeclorum nascitur ordo,
Jam redit et virgo; redeunt Saturnia regna;
Jam nova progenies coelo demittitur alto....
Te duce, si qua manent, sceleris vestigia nostri
Irrita perpetua solvent formidine terras.
Ille deum vita acciperet.....
Ipsae lacte domum referent distenta capellae
Uberae; nec magnos metuent armenta leones.
Ipsa tibi blandos fundent cunabula flores.
Occidet et serpens, et fallax herba veneni
Occidet; assyrium vulgo nascetur amomum....

Ср. Проперція, кн. III, элегія X (на рожденіе Цинтіи), ст. 5—10;

....Transeat hic sine nube dies, stent aere venti,
Ponat et in sicco molliter unda minas.
Aspiciam nullos hodierna luce dolentes,
Et Niobe lacrymas supprimat ipse lapis.
Halcyonum positis requiescant ora querelis.
Increpet absumptum nec sua mater Ityn...

Съ легкой руки Виргилія поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ прославляли новорожденныхъ, почему бы то ни было выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ. Чѣмъ выше былъ новорожденный по общественному положенію родителей, тѣмъ громче возвышали свой голосъ панегеристы, тѣмъ безцеремоннѣе обращались они съ законами природы, искажая ихъ по собственной фатазіи. Не одна только насмѣшка, но и близкое знакомство съ обычными пріемами стихотворцовъ слышится въ словахъ Дмитріева:

У льва родился сынъ. Въ столицѣ, въ городахъ,
Во всѣхъ его странахъ,
Потѣшные огни, веселье, жертвы, оды.

«Махнатые пѣвцы всѣ въ запуски кричатъ:
Скачи земля, взыграйте воды,
У льва родился сынъ. . . .

Настроивая свои лиры на общій господствующій тонъ хвалебныхъ пѣснопѣній стихотворцы наши семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія воспѣвали «всевожделѣнное» рожденіе великаго князя Александра Павловича.

2) Сочиненія и переводы В. И. Майкова. 1867, стр. 155—159.

Намъ небо счастье предвѣстило,
Когда свершался Павловъ бракъ:
Вѣсовъ вступало солнце въ знакъ. . . .
Теперь, во радостные часы,
Когда младенецъ въ свѣтъ раждался,
Луна текла черезъ вѣсы
Во знакъ, что россіе герои
Низложатъ лунноносны строи;
Что правосудія законы
Не будутъ колебимы въ вѣкъ;
Что счастливъ будетъ человѣкъ. . . .

«Къ колыбели новорожденнаго Александра» Johann Julius Ungebauer принесъ «жертву» такого рода стихами, напечатанными въ Петербургѣ, въ 1777 году:

....Vergnügen herrscht an allen Orten,
Die Freude, die der Herr uns gab,
Die trifft so Thron, als Schäfer-Horden,
Den Zepter, und den Bettelstab;
Belebt des Alters grauen Haare,
Die Milch, flöst sie dem Säugling ein,
Vom Flügelkleide, bis zur Bahre,
Ertönt ein frohes Jubelschrein. . . .

3) Klopstocks sämmtliche werke. Leipzig. 1839. Fünfter band. s. 36—37.

Kaiser Alexander.

Erscheinen sah dich, heilige Menschlichkeit,
Mein wonnetrunknes Auge. Begeisterung
Durchglühte mich, als in dem stillen
Tempel ich sahe der Wohlfahrt Mutter,

Zur Zeit der Läugnung dessen, der schuf, zur Zeit
Der nur verheissnen, neuen Beseligung
Der Nationen, in den stummen
Hallen ich sah die Gottbelohnte.

Allein die Stille floh; in dem Tempel scholl's
Von frohen Stimmen. Eine der Stimmen sprach:
Euch wägt die Menschlichkeit, Gebieter,
Staub ist der Ruhm auf der ernsten Wage,

Wenn eure Schale sich nur ein wenig hebt:
Weh' euch alsdann schon! Wie auch die Vorwelt, sprach
Der Stimmen eine, wie die spätern
Völker vergötterten Alexander,

Ist Schmach doch dieser Name den Herrschenden,
Die er uns nennet. Eine der Stimmen sprach:
Her von der Ostsee bis gen Sina's
Ocean herrschet ein edler Jüngling.

Der hat des Namens Flecke vertilgt; der ist
Des Streiters am Granikus, bei Arbela,
Des Streiters in den Wäldern Issos,
Aber in schöneren Kampf, Besieger.

Der hat gesehn der heiligen Menschlichkeit
Erscheinung. Thaten folgten dem Blick! Nun scholl's
Von Melodien, und tausend Stimmen
Feierten Russiens Alexander. —

4) Стихи его императорскому величеству, Александру первому, самодержцу всероссійскому, при восшествіи на престолъ.

Москва. 1801. Въ концѣ стиховъ подпись: Владимiръ Измайловъ. Москва. 1801 года 15 марта.

5) Russland unter Alexander dem Ersten. Eine historische zeitschrift herausgegeben von Heinrich Storch. 1804. Vierter band. s. 362—365.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1864—1865. Т. II. стр. 47 (Храповицкому). Т. I, стр. 141 (Фелица).

6) Стихотворенія Ѳ. Тютчева. М. 1868. На юбилей Н. М. Карамзина, стр. 232.

7) Вѣстникъ Европы. 1803. № 5. О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. стр. 59. Статья эта написана Карамзинымъ по поводу обнародованія Предварительныхъ правилъ, народнаго просвѣщенія, утвержденныхъ государемъ 24 января 1803. Что помѣщенныя въ Вѣстникѣ Европы 1802 — 1803 гг. статьи: О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи; О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей и О новыхъ благородныхъ училищахъ, заводимыхъ въ Россіи,— принадлежатъ Карамзину, видно изъ точнаго свидѣтельства самого Карамзина. Оканчивая изданіе Вѣстника Европы, Карамзинъ говоритъ (Вѣстникъ Европы 1803. Декабрь, стр. 283—284): «Любопытные желали знать, кто сочинялъ нѣкоторыя піесы въ Вѣстникѣ? Кромѣ *Смерти Шелехова*, *Портрета любезной женщины*, *Мыслей о русскихъ комедіяхъ*, *Прогулки молодой россіянки*, *Сказки господина Измайлова*, *Храма Свѣтовидова*, *Объявленія о путешествіи въ Малороссію князя Ш.*, *Письма о законодательствѣ въ отношеніи къ Россіи*, другова отъ господина Фон-Визина къ г. N. N. о сочиненіи русскаго лексикона; *рѣчи* господина Каразина, разныхъ извѣстій о великодушныхъ дѣлахъ, описанія геттингенскаго университета, и повѣсти *Вадима*,—*все остальное въ прозѣ писано издателемъ*. Удовольствіе читателей казалось мнѣ важнѣе авторскаго хвастовства, и для того я не подписывалъ своего имени подъ сочиненіями».

8) Stats-Anzeigen, gesammelt und zum druck befördert von August Ludwig Schlözer. Göttingen. 1783. Dritter band. s. 258. Отзывъ Шлецера въ этомъ случаѣ несправедливъ: Петръ Великій думалъ о народныхъ школахъ, что доказываютъ открытыя по волѣ его епархіальныя училища, школы для солдатскихъ дѣтей, и т. д.

9) Матеріалы для біографіи Ломоносова. Собраны экстраординарнымъ академикомъ Билярскимъ. 1865, стр. 145.

10) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 79.—Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 227, № 10. 620. Мнѣніе академика Бэра, представленное въ конференцію академіи наукъ 5 марта 1842 года.

Zu der Proposition der historisch-philologischen Klasse, eine Stelle für vergleichende Sprachkunde bei der Akademie zu St. Petersburg zu begründen.

Es hat mir immer geschienen, dass die Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg ihre Aufmerksamkeit vorzüglich auf die eigenthümlichen Verhältnisse des Russischen Reiches zu richten habe, und sich bestreben müsse dem Gebiete der Wissenschaften diejenigen Bereicherungen zu bringen, welche man vorzüglich von Russland erwarten muss, oder welche nur in dem Russischen Reiche gewonnen werden können.

Es ist wahr, dass wenn man die Stiftungs-Geschichte der Akademie zu St. Petersburg durchgeht, eine solche Rücksicht nicht hervortritt. Vielmehr ist der ersten Organisation der Akademie keine andere Beziehung zum Russischen Reiche zu erkennen, als dass sie berathende Behörde und Unterrichts-Anstalt zugleich sein sollte. Es waren nicht einmal Stellen für die Russische Geschichte und Sprache creirt. Der Inbegriff der Akademischen Stellen und der dadurch vorgeschriebene Kreis wissenschaftlicher Beschäftigungen ist bloss nach dem damaligen Umfange der Wissenschaften berechnet und hätte auf Paris oder Palermo ungefähr so gepasst, wie auf St. Petersburg. Der Grund

ist auch leicht einzusehen. Es galt damals nur, streng wissenschaftliche Forschung in mannigfaltiger Richtung nach Russland zu versetzen. Anders wurden die Verhältnisse unter der Regierung der Kaiserin Catharina. Das Russische Reich hatte seinen Platz unter den civilisirten Staaten eingenommen, und die gelehrte Welt, welche dieses Reich für stimmfähig erkannt hatte, musste erwarten, dass es seine Stimme vorzüglich über Aufgaben erhob, die besonders in Russland mit Erfolg zu untersuchen waren. Dieses hatte die Kaiserin Catharina sehr wohl erkannt, indem sie an der Untersuchung des Durchganges der Venus so wesentlichen Antheil zu nehmen beschloss, ja vielleicht die Veranlasserin der so allgemeinen Theilnahme an diesen Beobachtungen wurde, indem sie die vielfach verzweigten Reisen zur Untersuchung der Natur- und Völker-Verhältnisse des Reiches anordnete und im eigenen Cabinette die Grundlage eines vergleichenden Wörterbuches der Sprachen anlegte. Ich brauche nicht an die Anerkennung zu erinnern, welche diese Unternehmungen in ganz Europa fanden, ich will nur bemerken, dass man darin einen Fehler beging, dass man, trotz dieser Anerkennung nicht die Organisation der Akademie nach den wissenschaftlichen Aufgaben, zu welchen das Russische Reich auffordert, umgestaltete. Wahrscheinlich gedachte man nicht der wachsenden Anforderungen der Wissenschaft und glaubte für immer den Anforderungen, welche das gelehrte Europa machen kann, entsprochen zu haben — oder man überliess es der Zukunft, künftigen Forderungen zu genügen. Diese haben denn auch nicht unterlassen, in der neuesten Zeit sich geltend zu machen. Die eigenthümlichen Verhältnisse des Russischen Reiches, seine vorherrschend Slavische Bevölkerung, seine weite Ausdehnung, seine Berührungen mit vielen Völkern Asiens von eigenthümlicher Bildung, die grosse Mannigfaltigkeit seiner eigenen Bewohner und ihrer Bildungs-Stufen, der klimatischen Verhältnisse und der Naturproducte haben nach einander die Gründung einer Russischen Akademie, den Vorschlag einer asiatischen Akademie, die Vermeh-

rung der Stellen für asiatische Sprachen, die ausgedehnten Untersuchungen über Klimatologie veranlasst und der Vorschlag für die vergleichende Sprachkunde der Völker des Reiches, eine oder zwei Stellen zu begründen, ist offenbar nur ein Glied in dieser Umgestaltung der Akademie nach den wissenschaftlichen Aufgaben des Russischen Reiches.

Da ich die bezeichnete Umgestaltung durchaus für zweckmässig und nothwendig halte, so kann ich nicht umhin, mich auch für die erwähnte Proposition zu erklären. Es wäre nicht nöthig gewesen, meine Meinung hierüber schriftlich abzugeben, wenn ich mich nicht veranlasst fühlte, zu dem Vorschlage der Herrn Fraehn und Graefe noch ein Paar Bemerkungen hinzuzufügen.

Die Herrn von der historisch-philologischen Klasse haben nur die philologische Seite der Ethnographie Russlands hervorgehoben. Allein diese hat noch eine rein-anthropologische oder wenn man will, physische. Es ist allgemein bekannt, dass die durch Blumenbach begonnene Vergleichung der Menschen-Stämme und ihrer Verzweigungen in neuerer Zeit eine allgemeine Theilnahme gefunden und vielfach bearbeitet worden ist. Diese allgemeine Theilnahme hat aber auch Uebertreibungen und Einseitigkeiten mancher Art erzeugt. Die Franzosen namentlich, welche die Zahl der Menschenstämme zu vermehren so sehr geneigt sind, gründen auf einzelne Schädel, Bildnisse oder andere auf Reisen aufgegriffene Materialien die kühnsten Zusammenstellungen über Verwandtschaft, Abstammung und Wanderungsverhältnisse der Völker. Es scheint daher die Vorfrage, in wie weit die physischen Unterschiede constant genug bleiben, um auf sie zu bauen einer gründlichen Untersuchung zu bedürfen. Diese Untersuchung kann aber ohne ein reichhaltiges Material nicht angestellt werden. Ich gestehe, dass es bei meiner Versetzung nach St. Petersburg zu meinen Wünschen gehörte, eine solche Untersuchung in Bezug auf die Völker Russlands anzustellen. Ich fand aber zu meiner Verwunderung fast gar kein Material vor.

Dass ein solches Material sich hier nicht angehäuft hat, beruht aber zum Theil darauf, dass in neuerer Zeit das Studium der Sprachen der verschiedenen Völker nicht die Theilnahme gefunden hat, welche ihr in andern Gegenden geschenkt worden ist. Die Kenntniss der Sprachen muss wenigstens in allgemeinern Grundzügen schon gewonnen sein, um mit einiger Sicherheit zu der Vergleichung der physischen Verhältnisse überzugehen. Es hat daher auch die Anhäufung des physischen Materials für die Ethnographie wenig Interesse, wenn nicht auch das linguistische gesammelt wird. Im Jahre 1828 fand ich in Berlin den Dr. Rehmann im Begriffe der dortigen Universität eine sehr ansehnliche Sammlung von Schädeln russischer Völker zu verkaufen. Auf meine Vorstellung, wie es so unpatriotisch sein könne, diese nicht zuvörderst in St. Petersburg anzubieten, gab er mir zur Antwort: In St. Petersburg bekümmert man sich nicht um die Ethnographie. Diese Sammlung befindet sich jetzt in der That in Berlin, und ich habe im vorigen Jahre einen Herrn Tillner, der die Schädel verschiedener Völker der russischen Staaten vergleichen wollte, nach Berlin verweisen müssen. Ein solches Verhältniss würde sich ändern, wenn hier Jemand zur Sammlung des ethnographischen Materials angewiesen wäre.

Der Bericht der historisch-philologischen Klasse hat der Arbeiten der Engländer, Franzosen und Deutschen für vergleichende Linguistik erwähnt. Man erlaube mir einen noch näher liegenden Vergleichungspunct zu wählen — den Amerikanischen Freistaat. Ausser dem Britischen Reiche mit seinen Kolonien ist er der einzige Staat von wissenschaftlicher Bildung, welcher in Bezug auf Mannigfaltigkeit des Klimas und der Bevölkerung mit dem Russischen Reiche verglichen werden kann. Beide Reiche haben daher dieselben Aufforderungen zu wissenschaftlichen Untersuchungen. In Bezug auf die Naturverhältnisse ist der Amerikanische Freistaat hinter dem Russischen sehr zurückgeblieben. Was aber die einheimische Ethnographie anlangt, so ist diese seit einer Reihe von Jahren eine wesentliche Beschäfti-

gung der dortigen gelehrten Gesellschaften und es giebt daselbst wissenschaftliche Vereine, die nur dieser Aufgabe gewidmet sind. Sie haben so viel Erfolg gehabt, dass schon im Jahre 1836 Herr Galatin, die Arbeiten der Herrn Heckewelden, Pickering, Duponceau und anderer benutzend, und von der Regierung unterstützt, ein Werk herausgeben konnte, in welchem er die Eingebornen Nordamerika's, mit Einschluss der Englischen und Russischen Besitzungen, in 27 Familien gruppirt und 81 Völker unterscheidet, von welchen allen wenigstens Sprachproben, oft aber auch ausführliche grammatische Untersuchungen mitgetheilt werden. Herr Galatin hat aber auch eine Karte über Verbreitung aller dieser Völker gegeben. Nur in Bezug auf die Westküste waren diese Nachrichten auffallend unvollständig. Ueber diese Gegenden sind seit jener Zeit neue Forschungen angestellt, so wie auch die physische Untersuchung reichhaltiges Material in dem grossen Werke von Morton (Crania Americana) erhalten hat. Da wir jetzt den Repräsentanten der vaterländischen Geographie unter unsern Mitgliedern zählen, so muss ich diesem verehrten Herrn Collegen die Entscheidung überlassen, ob wir schon Material genug in Russland besitzen, um eine Völkerkarte des Reiches zu entwerfen? Hat doch Herr Sjögren vor nicht gar langer Zeit im St. Petersburger Gouvernement ungekannte Verzweigungen des Finnischen Stammes gefunden. Jedenfalls scheint das Material seit den grossen Reisen nicht in dem Maasse sich gehäuft zu haben, als man hätte erwarten können.

An sich kann also die Ethnographie des Russischen Ländergebiets wohl kaum als eine überflüssige Beschäftigung betrachtet werden. Es ist aber in der vorigen Gesammtsitzung der Akademie die Bemerkung gemacht worden, dass das vergleichende Studium des Slavischen Volks-Stammes für uns noch wichtiger ist. Dieser Bemerkung pflichte ich vollkommen bei, und ich fühle mich gedrungen, bei dieser Gelegenheit die Ueberzeugung auszusprechen, dass die politische Stellung Russlands als des einzigen selbstständig und gross dastehenden Slavischen Staates, es

sehr wünschenswerth macht, dass von den West-Slaven wenigstens ein gründlicher Linguist bei unserer Akademie eine Anstellung finde, auch wenn dieser Zweig der Forschung bei uns vollständig repräsentirt sein sollte, worüber ich natürlich gar kein Urtheil habe. Ich glaube nur, dass die Aussicht für die westlichen Slaven, dass wenigstens Einer von ihnen in Russland eine sorgenfreie Existenz und einen passenden Wirkungskreis für seine wissenschaftliche Untersuchungen finden kann, nicht nur für das wissenschaftliche Studium des Slavismus sondern auch für Anerkennung der Stellung, welche dem Russichen Reiche in dieser Beziehung gebührt, sehr wirksam sein würde.

Мнѣніе Бэра вызвано было слѣдующимъ предложеніемъ академиковъ Френа и Грефе объ учрежденіи мѣста академика для изученія языковъ и народовъ неславянскаго племени, обитающихъ въ Россіи:

Какъ другія науки, такъ и языкоученіе въ новѣйшее время приняло совершенно измѣнившійся видъ и направленіе. Оставляя въ сторонѣ прежнія, изъ другихъ ученыхъ системъ проистекшія, одностороннія мнѣнія о началѣ и происхожденіи народовъ и языковъ, нынѣ изучаютъ ихъ болѣе ради ихъ самихъ, и вникая съ одной стороны съ величайшимъ тщаніемъ въ индивидуальность отдѣльныхъ языковъ для распространенія тѣмъ по возможности матеріальной области языковѣдѣнія, стараются, съ другой стороны, добытыя симъ путемъ и болѣе и болѣе размножающіяся данности подводить подъ общія точки зрѣнія. Здѣсь главное дѣло состоитъ въ сравнительномъ языкоученіи, т. е. въ безпристрастномъ и добросовѣстномъ сличеніи между собою языковъ,—сличеніи, которое уже не останавливается, какъ-то прежде было, на одной оболочкѣ,—на словахъ, въ словарѣ содержащихся и ихъ произвольномъ разложеніи, но болѣе старается проникнуть въ самое существо и духъ языковъ, и въ законы, ими управляющіе, чтобы изъ нихъ извлечь сходства, которыя могли бы служить руководствующею нитью при изслѣдованіи отдѣльныхъ языковъ и сличеніи ихъ между собою и тѣмъ навести на общіе первообра-

зы, по которымъ языки могутъ быть распредѣлены на семейства и разряды, дабы чрезъ то самое вѣрнѣе дознаться взаимнаго сродства и происхожденія языковъ и народовъ. Къ таковому существенному преобразованію общаго сравнительнаго языкоученія преимущественно содѣйствовали англичане, хотя менѣе своими произведеніями въ области сравнительнаго языковѣдѣнія, сколько тѣмъ, что они раскрыли ученому свѣту множество особыхъ азіятскихъ языковъ и народовъ во всей ихъ индивидуальности. Каждый изъ языковъ, каждое изъ племенъ, съ которымъ англичане вошли въ ближайшее соприкосновеніе, нашли одного или болѣе изслѣдователей и представителей, и политическія торжества и побѣды всегда влекли за собою и ученыя. Движимые хотя и не столь обширными политическими побужденіями, какъ англичане, и французы ревностно соперничествовали съ своими сосѣдями въ споспѣшествованіи изученія особенно азіятскихъ народовъ и языковъ для расширенія предѣловъ науки и образованности, и правительство издавна содержитъ ученыхъ, которые занимаются не только арабскимъ, персидскимъ и турецкимъ, но по долгу своему также армянскимъ, зендскимъ, санскритскимъ, индостанскимъ и китайскимъ языками. Въ сравненіи съ англичанами и французами, нѣмцы, уже по географическому положенію своего отечества, должны были ограничиваться только чисто ученою частію этнографіи и языкознанія, но именно за эту часть принялись они съ свойственною имъ живостью и пламеннымъ усердіемъ и, щедро подкрѣпляемые своими правительствами, дѣйствительно воздѣлали ее съ отличнѣйшимъ успѣхомъ, подвергая взгроможденные англичанами и французами матеріалы тщательному разбору, приводя въ порядокъ неустроенныя массы, и направляя ихъ къ высшимъ общимъ результатамъ; а тѣмъ самымъ возвели эти ученыя отрасли на ту высоту, на которой мы видимъ ихъ въ настоящее время. Обращаясь наконецъ къ Россіи, мы находимъ, что это могущественное государство, относительно къ политическому и географическому своему положенію, не только равняется съ гордою Англіею, но даже далеко превосходитъ ее

по внѣшнимъ отношеніямъ и зависящей отъ того значимости. Ибо, хотя владѣнія Россіи и не объемлютъ столько разныхъ частей свѣта какъ англійскія, но они уже сами по себѣ образуютъ связное цѣлое, которое именно потому гораздо болѣе сжато и сосредоточено, и, что особенно важно въ нашемъ сравненіи, вещественные матеріалы для познанія языковъ и народовъ въ Россіи гораздо обильнѣе и разнообразнѣе. Сколько многоразличныхъ племенъ и нарѣчій не заключаетъ въ себѣ уже одна Европейская часть Россіи! А если къ тому присовокупить еще Кавказъ и Сибирь, то мы найдемъ и по нынѣ въ Россіи эту officina gentium, эту vagina nationum, эти multas et diversas nationes и эту turba diversarum gentium, которую уже Іорданъ приписывалъ Скандіи, вѣрно не имѣя въ виду одной дѣйствительной Скандинавіи, какъ многіе полагали и еще понынѣ полагаютъ по недоразумѣнію.

Изъ сихъ указаній явствуетъ само собою, какое необъятное поле для изслѣдованія языковъ и народовъ представляетъ именно наша Россія, и какихъ важныхъ поясненій даже всеобщая исторія человѣчества можетъ еще ожидать, именно въ самыхъ темнѣйшихъ своихъ частяхъ, если однажды вышеозначенное изобиліе матеріаловъ будетъ расчищено и обработано надлежащимъ образомъ. Мы говоримъ, если это будетъ нѣкогда исполнено; ибо что до сихъ поръ сдѣлано по этой части, къ сожалѣнію, ограничивается столь малымъ, что Россія въ этомъ отношеніи никакъ не можетъ войти въ сравненіе съ прочими главными государствами Европы, хотя, по своему собственному богатству матеріаловъ и послѣ примѣра успѣшныхъ усилій другихъ народовъ, уже давно имѣетъ преимущественное къ тому призваніе. Это чувствовала уже великая императрица Екатерина II, обративъ, между прочимъ, свое вниманіе также на этнографическія и лингвистическія отношенія подвластныхъ ея скипетру народовъ, и повелѣвъ, на первый разъ, изготовить хотя короткіе, но хорошо расположенные образчики нарѣчій и сборники словъ. Хотя первое выполненіе дѣла и отстало далеко отъ высокой идеи, служившей тому основаніемъ, но по крайней мѣрѣ было положено прекрасное начало,

и свыше дано было побужденіе, которое въ то время съ радостію привѣтствовалъ весь ученый міръ, а внутри имперіи это самое подало поводъ къ появленію первыхъ печатныхъ опытовъ грамматикъ разныхъ чуждыхъ нарѣчій, составленныхъ между прочимъ самими русскими и на русскомъ языкѣ,—грамматикъ, которыя, не взирая на всѣ ихъ недостатки, и понынѣ еще остаются лучшими у насъ по своей части. Конечно и такихъ опытовъ явилось у насъ очень не много, потому что изученіе туземныхъ языковъ и народовъ со времени Екатерины II, къ сожалѣнію, опять пришло почти въ совершенное пренебреженіе, и это имѣло печальнымъ послѣдствіемъ то, что именно въ Сибири цѣлыя отдѣльныя племена, которыхъ имена по крайней мѣрѣ были уже вызваны изъ мрака неизвѣстности великою Екатериною, совершенно вымерли, и тѣмъ невозвратно погибли для науки. Нѣкоторыя другія, и въ числѣ ихъ даже европейскія, вблизи насъ обитающія, какъ то: Ливь въ Лифляндіи и Курляндіи, кажется, идутъ на встрѣчу той же участи. И такъ, чтобы по возможности предотвратить на будущее время ощутительныя для науки потери, могущія произойти отъ такихъ событій, и приличнымъ образомъ соотвѣтствовать справедливымъ ожиданіямъ, какія образованная Европа имѣетъ отъ Россіи по ея всемірному положенію, весьма необходимо, чтобы также языки и этнографическія отношенія такихъ племенъ и народовъ, которые стоятъ на низшей степени образованности, и, слѣдовательно, не имѣютъ своихъ письменъ и литературы, были сдѣланы предметомъ особыхъ изслѣдованій при нашей академіи, а посему мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность предложить, въ пользахъ науки и для чести Россіи, чтобы *изученіе языковъ и народовъ въ специальномъ отношеніи къ Россіи*, и именно къ *не-славянскому* ея народонаселенію, за изъятіемъ тѣхъ частей онаго, которыхъ литература уже имѣетъ особыхъ представителей въ академіи (какъ то мугамеданская, монгольская и грузино-армянская), были впредь представляемы по крайней мѣрѣ двумя особыми членами, однимъ ординарнымъ академикомъ и однимъ адъюнктомъ. Для изслѣдованія славянскихъ нарѣ-

чій и славяно-русской филологіи вообще въ недавнемъ времени пріобщены къ намъ 20 новыхъ членовъ; и такъ, кажется, справедливость требуетъ, чтобы и для чрезвычайнаго множества прочихъ, еще находящихся внутри Россіи, не-славянскихъ нарѣчій, доселѣ не имѣвшихъ у насъ представителей, были присоединены къ намъ по крайней мѣрѣ двое новыхъ членовъ, въ дополненіе уже прежде существовавшаго у насъ третьяго отдѣленія историческихъ наукъ и филологіи, тѣмъ болѣе, что Его Императорскому Величеству высочайше благоугодно было повелѣть, чтобы при нынѣшнемъ преобразованіи нашей академіи избытокъ прежней штатной и экономической суммы россійской академіи былъ употребленъ въ особенности на усиленіе способовъ 3-го, т. е. историко-филологическаго отдѣленія. . . .

11) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 227, № 10. 620. Проэктъ устава академіи наукъ:

ГЛАВА I.

О составѣ Академіи, ея обязанности и преимуществахъ.

Статья 1-я.

Санктпетербургская Императорская Академія Наукъ, полагая во основаніе главное назначеніе всѣхъ ученыхъ обществъ: распростирать предѣлы человѣческихъ знаній откровеніями, присоединяетъ къ тому особенную, и ей свойственную обязанность — прилагать ихъ безпосредственно къ государственной пользѣ: испытывать естественныя произведенія во всемъ пространствѣ Россіи, и неослабными попеченіями назидать собственную ученость, чтобы она обратилась наконецъ въ природное произведеніе отечества.

Статья 2-я.

На сихъ началахъ учрежденная академія наукъ состоитъ изъ дѣйствительныхъ членовъ, то есть: *академиковъ* и *адъюнк-*

товъ, изъ *почетныхъ членовъ* и *корреспондентовъ* внутри и внѣ государства; и имѣетъ подъ собственнымъ надзоромъ училище, коего воспитанники будутъ готовиться поступать въ ея сословіе.

Статья 3-я.

Она имѣетъ *Президента*, *Вице-Президента*, *Секретаря* и *Комитетъ* для хозяйственныхъ ея распоряженій. Должности каждаго и всѣхъ вообще опредѣлятся въ слѣдующихъ главахъ и статьяхъ.

Статья 4-я.

Академія наукъ издаетъ ежегодно въ трудахъ своихъ подъ именемъ *Актовъ* или *Комментаріевъ* на латинскомъ или французскомъ языкѣ тѣ ученыя сочиненія членовъ своихъ, которыя признаетъ она способствующими къ распространенію наукъ: сочиненія, основывающія славу ея въ Европѣ. Но вѣрна правиламъ своимъ — распростирать знанія въ отечествѣ, столь же постоянно издаетъ на одномъ россійскомъ языкѣ, подъ приличнымъ заглавіемъ, сочиненія о предметахъ, къ наукамъ принадлежащихъ, и которыхъ приложеніе наиболѣе ощутительно, образомъ и слогомъ, примѣненнымъ къ общему понятію, и отдаляя всѣ тѣ подробности, которыхъ разумѣніе требуетъ неотмѣнно предварительнаго ученія.

Статья 5-я.

Академія, въ одно изъ первыхъ собраній каждаго года предлагаетъ двѣ *ученыя задачи*, избирая преимущественно такія, которыхъ разрѣшеніе полезно для Россіи. Одна изъ оныхъ должна имѣть предметомъ изысканіе умозрительной истины, а другая относиться къ усовершенію домоводства или промысла. Отечество наше, по малоизвѣстности обширнаго его состава, по вліянію, которое будутъ имѣть предполагаемыя въ немъ открытія на человѣчество вообще, конечно представитъ избытокъ вопросовъ, достойныхъ упражнять умы и другихъ народовъ. За разрѣшеніе каждой таковой задачи назначается золотая медаль въ триста рублей или другое равноцѣнное воздаяніе.

Статья 6-я.

Академія препровождаетъ также золотыя медали въ знакъ одобренія своего тѣмъ изъ россійскихъ подданныхъ, почетныхъ членовъ, корреспондентовъ и другихъ лицъ, какого бы состоянія они ни были, которые отличатся въ теченіе года доставленіемъ къ ней полезнѣйшихъ ученыхъ сочиненій или извѣстій о своихъ изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ. Оныя могутъ быть обнародываемы помѣщеніемъ въ упомянутыя въ 4-ой статьи сочиненія, или и въ пользу сочинителя другими, по расположенію академіи, способами.

Статья 7-я.

Академическое училище требуетъ тщательнѣйшаго вниманія академіи, яко учрежденіе необходимое, чтобы обезпечить на предбудущее время составленіе ея большею частью изъ природныхъ россіянъ.

Статья 8-я.

Для познанія государства посредствомъ наукъ, будутъ Нами открыты способы по ея представленію. Но сверхъ того уполномочивается она имѣть по сему предмету сношенія со всѣми государственными мѣстами, и обязуется она по временамъ и обстоятельствамъ посылать членовъ своихъ для мѣстнаго обозрѣнія различныхъ областей и предѣловъ.

Статья 9-я.

Наипаче обязана она имѣть непрерывное сношеніе со всѣми учеными и училищными учрежденіями, существующими въ Россіи, дабы, знавъ успѣхи народнаго воспитанія и просвѣщенія, могла располагать по тому и свое содѣйствіе.

Статья 10-я.

Академія, состоя со всѣмъ, принадлежащимъ къ ней, въ непосредственномъ нашемъ покровительствѣ, изъемлется отъ всякой другой зависимости кромѣ правительствующаго сената, которому она подчинена на ряду со всѣми государственными учрежде-

ніями. Она всегда имѣетъ право непосредственно представлять Намъ о своихъ нуждахъ.

Статья 11-я.

Внутренній порядокъ и благочиніе предоставляются ея собственному наблюденію. Никакое присутственное мѣсто не можетъ входить въ дѣла ея и ея членовъ безъ предварительнаго отношенія къ ней на законномъ основаніи, и по законнымъ, въ томъ отношеніи обнаруженнымъ, причинамъ.

Статья 12-я.

Академія однимъ избраніемъ своимъ возводитъ въ достоинство особы, составляющія ея сословіе, и тѣхъ, которымъ избраніемъ поручаетъ она должности, можетъ увольнять по своему произволенію.

Статья 13-я.

Всякій дѣйствительный членъ, съ предъявленіемъ академическаго диплома, имѣетъ право получить отъ герольдіи патентъ на чинъ, оному соотвѣтствующій, поелику онъ, непосредственно по совершеніи избранія академіею, вступаетъ во всѣ гражданскія преимущества, званію его присвоенныя.

Статья 14-я.

По выбытіи одного изъ членовъ, академія не обязывается немедленно наполнять его мѣсто, но употребляетъ должное время и вниманіе, чтобы замѣнить его достойно. При равномъ достоинствѣ россійскій подданный предпочтется иностранному. На сей конецъ о всякомъ упразднившемся мѣстѣ будетъ предварительно обнародовано въ россійскихъ вѣдомостяхъ, дабы почитающіе себя способными могли прислать сочиненія и лично предстать къ испытанію академіи.

Статья 15-я.

Академія имѣетъ право требовать отъ училищъ и другихъ мѣстъ всей имперіи людей, которыхъ способности ей сдѣлаются

извѣстны, и съ согласія ихъ принимать къ себѣ по должномъ испытаніи въ *воспитанники* академиковъ или и адъюнкты.

Статья 16-я.

Членамъ академіи, которые по болѣзнямъ или старости пожелаютъ быть уволены, производить въ пенсіонъ полное ихъ жалованье, ежели они служили тридцать, а половинное, ежели служили двадцать лѣтъ со вступленія въ званіе дѣйствительныхъ членовъ. Дѣти умершихъ членовъ, выслуживших десять лѣтъ, или ихъ вдовы, получаютъ треть послѣдняго жалованья ихъ отцовъ или мужей, первые по совершеннолѣтіе, а послѣдніе по смерть или по вступленіе въ новый бракъ. Въ послѣднемъ случаѣ, или по смерти ихъ, дѣти до совершеннолѣтія своего раздѣляютъ между собою сію третью долю. Вдовы же членовъ, десяти лѣтъ не выслужившихъ, или ихъ дѣти, получаютъ единовременно полное годовое жалованье ихъ мужей или отцовъ. Прочіе чины и служители, къ академіи принадлежащіе, имѣютъ получать половинный пенсіонъ за тридцати-пяти-лѣтнюю безпорочную службу.

Статья 17-я.

Питомцамъ академическаго училища по окончаніи наукъ, которое доказывается полученнымъ ими свидѣтельствомъ, предоставляется полная воля избирать всякій родъ жизни, приличный ихъ воспитанію.

Статья 18-я.

Корреспонденція академіи имѣетъ быть уважаема всѣми государственными мѣстами, внутренняя освобождается отъ платежа почтовыхъ сборовъ, разумѣя въ семъ числѣ и все, отправляемое на ея имя.

Статья 19-я.

Исключая святѣйшій правительствующій синодъ и правительствующій сенатъ, всѣ высшія и нижшія мѣста сносятся съ академіею *сообщеніями*. На ея же отношенія, во всякихъ случаяхъ, опредѣленныхъ настоящимъ уставомъ или въ немъ не пред-

видѣнныхъ, но непротивныхъ законамъ, отвѣтствуютъ удовлетвореніемъ ея запросовъ и неукоснительнымъ вспоможеніемъ, гдѣ оно востребовано будетъ.

Статья 20-я.

Сумма на содержаніе академіи, ежегодно изъ государственныхъ казначействъ отпускаемая, равно какъ и другія, ей присвоенныя суммы, подлежатъ собственному ея распоряженію. Она не обязывается къ другимъ въ нихъ отчетамъ, кромѣ перечневаго по окончаніи каждаго года Намъ донесенія о ихъ употребленіи и наличности и таковагожъ въ правительствующій сенатъ.

ГЛАВА II.

О Президентѣ Академіи.

Статья 21-я.

Президентъ Академіи Наукъ назначается Нами изъ особъ первыхъ государственныхъ классовъ.

Статья 22-я.

Онъ есть главный исполнитель сего устава, внѣшній защитникъ правъ академіи и внутренній блюститель ея обязанностей. Не изображая подробно правилъ, составляющихъ его должность, Мы надѣемся, что особа, носящая на себѣ въ такой степени Наше и общества довѣріе, бывъ руководима сколько любовію къ отечеству, столько истиннымъ просвѣщеніемъ и ревностію, усмотритъ ихъ въ цѣли и расположеніи сего устава. Намъ пріятно думать, что слава академіи и отечества неразлучна будетъ въ глазахъ его съ честію предсѣдательствовать въ первомъ сословіи россійскихъ ученыхъ; что единое достоинство, несомнительный залогъ общественной пользы, будетъ имъ ободрено и приближено къ наградѣ.

Статья 23-я.

Президентъ лично докладываетъ Намъ о дѣлахъ академіи отъ ея имени. Доноситъ о важнѣйшихъ въ ней происшествіяхъ,

какъ то: объ учиненныхъ открытіяхъ или отличнѣйшихъ произведеніяхъ ея членовъ, о избраніи и пріобщеніи ихъ самихъ, о предполагаемыхъ путешествіяхъ и положеніяхъ академіи, по сомнительности или важности своей требующихъ непосредственнаго нашего разрѣшенія.

Статья 24-я.

Онъ представляетъ Намъ къ должному награжденію членовъ, отличившихся своими трудами, прописавъ случай заслуги, и указавъ па ту изъ статей сего устава, къ которой она относится.

Статья 25-я.

Навѣдываясь съ уваженіемъ, приличнымъ наукамъ и званію академиковъ, въ какомъ степени прилежанія исполняется должность каждаго, онъ представляетъ Намъ свои замѣчанія и о тѣхъ, которые уклоняться будутъ отъ исполненія почтенной своей обязанности. Какъ въ семъ, такъ и въ случаѣ предидущей статьи, донесенія его всеконечно отъ гласу общества и доводовъ въ дѣлахъ самой академіи будутъ заимствовать вящшую свою силу.

Статья 26-я.

О прочихъ чиновникахъ академіи въ обоихъ означенныхъ случаяхъ представляетъ президентъ правительствующему сенату на основаніи общихъ узаконеній. Онъ же, сообразно съ статьею 163-ю, представляетъ людей достойныхъ къ наполненію мѣстъ, независящихъ отъ избранія академіи.

Статья 27-я.

Какъ президентъ есть блюститель порядка и внутренняго благочинія академіи, то въ случаѣ нарушенія оныхъ въ какой либо части, ему отъ Насъ предоставляется брать мѣры, сообразныя съ законами и важностію особъ или обстоятельствъ.

Статья 28-я.

Въ дѣлахъ, до хозяйственнаго управленія академіи касающихся, одинъ президентъ имѣетъ право предлагать собранію

академіи что̀ за нужное почтетъ; въ небытность же свою, поручаетъ сіе вице-президенту или его сочлену въ комитетѣ. Членъ, имѣющій въ виду подобное предложеніе, относится къ президенту; въ случаѣ непринятія онаго, имѣетъ право требовать, чтобъ мнѣніе его приложено было къ протоколу засѣданія.

Статья 29-я.

Президентъ по ученымъ предметамъ не входитъ въ разсужденія членовъ; но во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ собраніи академіи встрѣтится равенство противныхъ голосовъ, яко первенствующая особа, рѣшитъ своимъ мнѣніемъ.

ГЛАВА III.

О вице-Президентѣ.

Статья 30-я.

Академія въ послѣднее собраніе каждаго третьяго года избираетъ по большинству голосовъ изъ числа всѣхъ дѣйствительныхъ академиковъ своего вице-президента. Она можетъ и на слѣдующее трехлѣтіе подтвердить его въ семъ званіи.

Статья 31-я.

Вице-президентъ есть ближайшій помощникъ президенту въ отправленіи ввѣренной ему должности. Онъ въ собраніяхъ и хозяйственномъ комитетѣ занимаетъ мѣсто непосредственно по немъ, а въ отсутствіи имѣетъ его права и голосъ, который бывъ данъ единожды, не можетъ быть уже отмѣненъ и президентомъ.

Статья 32-я.

Въ присутствіи президента въ собраніяхъ академіи, вице-президентъ даетъ свое мнѣніе просто какъ академикъ; ибо избраніемъ въ сію должность не перестаетъ быть членомъ.

Статья 33-я.

Вице-президенту наипаче ввѣрено надзираніе надъ академи-

ческимъ училищемъ. По окончаніи каждаго курса вноситъ онъ въ собраніе академіи записку о успѣхѣ учащихся, о усмотрѣнныхъ имъ недостаткахъ и средствахъ, какъ исправить оныя по его мнѣнію.

Статья 34-я.

Онъ не обязывается къ доставленію сочиненій во время отправленія его должности, но соединеніе съ оною обыкновенныхъ трудовъ академика вмѣнено ему будетъ въ особенную заслугу.

Статья 35-я.

Ежели мѣсто вице-президента упразднится до истеченія третьяго года, то президентъ немедленно созываетъ чрезвычайное собраніе, которое и поручаетъ должность его академику, слѣдовавшему за нимъ въ большинствѣ голосовъ, не производя уже новаго выбора.

Статья 36-я.

Вице-президентъ, если не имѣетъ высшаго чина, числится за урядъ въ пятомъ классѣ, доколѣ въ должности пребываетъ; по пробытіи же двухъ трехлѣтій удерживаетъ онъ чинъ, сему классу соотвѣтствующій.

ГЛАВА IV.

О непремѣнномъ Секретарѣ Академіи.

Статья 37-я.

Особа, которая печется о перепискѣ академіи, о приведеніи въ порядокъ и изданіи, какъ ея собственныхъ, такъ и вступающихъ въ нея сочиненій, не можетъ быть иная, какъ токмо академикъ, который и избирается на неопредѣленное время.

Статья 38-я.

Немедленно по упраздненіи секретарскаго мѣста, президентъ созываетъ чрезвычайное собраніе академиковъ. Всякій имѣетъ

право предложить своего кандидата, и избраніе рѣшится большинствомъ голосовъ.

Статья 39-я.

Академія таковымъ же образомъ избираетъ *помощника* своему секретарю изъ адъюнктовъ, взирая въ выборѣ семъ на искусство въ россійскомъ словѣ, *архиварія*, *переводчика* и *писца*, знающаго языки, изъ студентовъ академіи. Они состоятъ подъ начальствомъ секретаря.

Статья 40-я.

Секретарь ведетъ *протоколъ засѣданій* академіи; составляетъ ея исторію; подъ вѣдѣніемъ имѣетъ изданіе всѣхъ ея сочиненій; представляетъ письма, на ея имя полученныя, и отвѣтствуетъ по ея заключенію, со внесеніемъ отвѣтовъ въ протоколъ; вообще исполняетъ онъ, съ подчинеными ему, всѣ до его званія принадлежащія порученія, какія ему академіею или въ слѣдствіе ея положеній президентомъ даны будутъ.

Статья 41-я.

Архиварій, имѣющій попеченіе о порядкѣ и храненіи бумагъ академіи, сданныхъ ему секретаремъ, и переводчикъ, имъ употребляемый, состоятъ въ девятомъ классѣ, если выше того чина не имѣютъ. Отъ академіи зависитъ прибавить послѣднему жалованья и сверхъ штата по мѣрѣ его трудовъ или придавать ему на время помощниковъ изъ студентовъ.

ГЛАВА V.

О дѣйствительныхъ членахъ Академіи и избраніи ихъ.

Статья 42-я.

Не подвергаясь неизбѣжному затрудненію при раздѣленіи наукъ по примѣру нѣкоторыхъ академій на классы, но видя напротивъ того въ упражненіяхъ академиковъ, сколько они по различію предметовъ ни различествуютъ, единую общую цѣль, пола-

гаемъ, что академики и адъюнкты или помощники ихъ будутъ принадлежать къ одному нераздѣльному и классами неразличенному сословію.

Статья 43-я.

Оно имѣетъ состоять, при введеніи сего устава, изъ слѣдующаго числа академиковъ для разныхъ наукъ, а именно: изъ двухъ для математики, старшаго и младшаго; двухъ для астрономіи; двухъ для химіи; по одному для физики, для механики, минералогіи, ботаники, зоологіи, анатоміи, для умственной и дѣятельной философіи, для политической экономіи, коммерціи и технологіи, и для исторіи и статистики, придая къ каждому изъ оныхъ, кромѣ тѣхъ наукъ, въ которыхъ положено два академика, по одному адъюнкту, съ таковымъ наблюденіемъ, чтобъ послѣдніе три адъюнкта, кромѣ главной науки, имѣли совершенное знаніе какъ древней словесности греческой и латинской, такъ и въ письменахъ россійскихъ.

Статья 44-я.

По сему число академиковъ ограничено *пятнадцатью* особами; однако ежели академія разсудитъ пріобщить къ нимъ мужа искуснаго въ одномъ изъ полезнѣйшихъ познаній, которыя здѣсь не именованы, находя въ томъ истинную пользу для государства, равно, ежели представится ей случай пріобрѣсти въ свое сословіе какого либо славнаго мужа, хотя и въ такой части, которая въ семъ уставѣ находится уже въ виду (назначая въ обоихъ обстоятельствахъ содержаніе изъ собственныхъ суммъ), то сіе не токмо не возбраняется, но намъ въ особенности пріятно будетъ.

Статья 45-я.

Равнымъ образомъ, можетъ академія сверхъ наименованныхъ девяти адъюнктовъ принять на счетъ собственныхъ своихъ доходовъ еще трехъ или болѣе, по мѣрѣ какъ представляться ей будутъ природные россіяне съ отличными способностями и такими

свѣдѣніями, которыя бы давали право на сіе званіе. Къ сему можетъ она употребить способъ, въ статьѣ 15-й начертанный.

Статья 46-я.

Должность академиковъ опредѣляется самымъ назначеніемъ академіи. Они обязаны руководствовать усовершеніемъ наукъ въ государствѣ, каждый по своей части, и въ ученыхъ своихъ трудахъ вспомоществуются своими товарищами, неимѣющіе ихъ — адъюнктами.

Статья 47-я.

Адъюнкты засѣдаютъ ниже академиковъ, участвуютъ въ общихъ трудахъ и разсужденіяхъ, но при избраніи членовъ не имѣютъ ни мѣста, ни голоса.

Статья 48-я.

Академія въ первые свои члены или академики обязана избирать таковыхъ токмо ученыхъ, кои снискали уже славу сочиненіями или полезными и отличными изобрѣтеніями въ одной изъ наукъ, составляющихъ предметъ академіи. Желающіе заступить мѣста адъюнктовъ, если они прежде того неизвѣстны сочиненіемъ, принятымъ съ похвалою, или курсомъ какой либо науки, должны представить академіи одно или два сочиненія, которыя бы доказывали основательныя и глубокія познанія; по одобреніи жъ явиться лично для испытанія. И тѣ и другіе должны быть люди непорицаемой нравственности.

Статья 49-я.

Каждый старшій академикъ, получивъ своего *воспитанника* образомъ, постановленномъ въ главѣ VIII-й, имѣетъ его въ ближайшемъ своемъ вѣдѣніи, и чрезъ наставленія и руководство пріуготовляя его быть современемъ членомъ академіи, даетъ ежегодно собранію отчетъ о его успѣхахъ. Онъ можетъ его употреблять для перевода своихъ сочиненій, назначенныхъ ко внесенію въ россійскія академическія изданія.

Статья 50-я.

Коль скоро таковой воспитанникъ получитъ достоинство адъюнкта, то академикъ, наставлявшій его, получаетъ право на особенную награду нашу, и президентъ обязанъ донесть о семъ безъ замедленія.

Статья 51-я.

Всѣ младшіе академики и адъюнкты той науки, гдѣ младшихъ академиковъ не положено, входятъ въ составъ академическаго училища, образомъ опредѣленнымъ въ главѣ VIII. Старшіе академики къ сему не обязываются; но буде захотятъ участвовать, то сіе вмѣнится имъ въ заслугу.

Статья 52-я.

Академикъ въ теченіе года представляетъ собранію по крайней мѣрѣ два *сочиненія*: одно, достойное для помѣщенія въ акты, а другое — въ изданіе академическихъ трудовъ на россійскомъ языкѣ. Адъюнктъ же ежегодно обязанъ представить по крайней мѣрѣ одно сочиненіе, которое, по разсужденію академиковъ, помѣстится въ то или другое академическое изданіе.

Статья 53-я.

Каждое трехлѣтіе назначается награжденіе пятисотъ рублей изъ академической суммы тому академику, котораго сочиненіе произвело въ ученомъ свѣтѣ ощущеніе, соединенное съ пользою для имперіи; въ чемъ и позволяется тому академику представить письменныя доказательства.

Статья 54-я.

Всякій членъ академіи, ставя себѣ за честь порученіе своего собранія, въ чемъ бы оное ни состояло, не можетъ отрицаться отъ исполненія его безъ особливыхъ и важныхъ причинъ. Таковыя причины обязанъ онъ немедленно представить на усмотрѣніе президента и академіи.

Статья 55-я.

Но съ другой стороны, членамъ академіи позволяется имѣть соотвѣтственныя ихъ знаніямъ постороннія упражненія, съ тѣмъ только, чтобъ они не отвлекали ихъ отъ академическихъ.

Статья 56-я.

Членъ, желающій оставить академію, долженъ предизвѣстить президента о намѣреніи своемъ, по крайней мѣрѣ за шесть мѣсяцевъ.

Статья 57-я.

По выбытіи одного изъ академиковъ или адъюнктовъ, президентъ, возвѣстивъ собранію, даетъ время не менѣе шести мѣсяцевъ на предложеніе кандидатовъ, и въ тоже время, на основаніи статьи 14-й, велитъ обнародовать въ вѣдомостяхъ.

Статья 58-я.

Три академика совмѣстно должны представить объ одной, двухъ или трехъ особахъ по своему мнѣнію и внести имена ихъ въ полное собраніе академіи, съ выраженіемъ достоинства ихъ, на основаніи 48-й статьи, и за своимъ подписаніемъ.

Статья 59-я.

Собраніе не далѣе, какъ въ теченіе шести недѣль послѣ предложенія кандидатовъ, приступаетъ къ рѣшительному избранію ихъ по баламъ, одного послѣ другаго. Число дѣйствительно избирающихъ академиковъ должно быть не менѣе двухъ третей полнаго числа, составляющаго академію.

Статья 60-я.

Удостоенный большинствомъ голосовъ утверждается, и президентъ поручаетъ секретарю или одному изъ членовъ вступить съ нимъ въ сношеніе.

Статья 61-я.

Если избранный кандидатъ по какимъ либо причинамъ не

можетъ принять приглашеніе академіи, то секретарь предлагаетъ послѣдующему за нимъ въ большинствѣ голосовъ.

Статья 62-я.

Собраніе по большинству голосовъ можетъ принять, на основаніи статьи 58-й, и новыхъ кандидатовъ, если по полученіи извѣстія, что избранный не принялъ званія академика, произойдетъ разность мнѣній или въ продолженіе сего времени откроются новыя достойныя лица.

Статья 63-я.

Если бы кто изъ академиковъ пересталъ заслуживать честь быть въ сословіи академіи, отъ ожиданія чего Мы весьма удалены; то президентъ имѣетъ право предложить полному собранію о представленіи Намъ.

Статья 64-я.

Таковое представленіе должно быть основано на положеніи академіи, принятомъ по большинству голосовъ по крайней мѣрѣ двухъ третей всего числа членовъ.

Статья 65-я.

Старшіе академики состоятъ въ шестомъ классѣ, младшіе— въ седьмомъ, а адъюнкты — въ осьмомъ, если выше чиновъ не имѣютъ.

ГЛАВА VI.

О почетныхъ членахъ и корреспондентахъ.

Статья 66-я.

Академія можетъ имѣть внутри и внѣ государства *почетныхъ членовъ*, удостоивая сего имени мужей, прославившихся такими сочиненіями или открытіями, которыя составляютъ предметъ академіи, или свѣту извѣстнымъ особеннымъ ободреніемъ наукъ.

Статья 67-я.

Число ихъ неопредѣлено; они избираются по большинству голосовъ, въ слѣдствіе предложенія президента или трехъ членовъ, которые его о семъ должны предувѣдомить.

Статья 68-я.

Академія не возлагаетъ на почетныхъ своихъ членовъ никакихъ обязанностей, развѣ сами собою пожелаютъ участвовать въ ея трудахъ. Въ послѣднемъ случаѣ доставленныя ими сочиненія могутъ быть помѣщены въ одно изъ академическихъ изданій.

Статья 69-я.

Академія можетъ имѣть внутри и внѣ государства своихъ *корреспондентовъ*. Сіе названіе принадлежать будетъ особамъ, которыя не пріобрѣли еще качествъ пристойныхъ членамъ; но изданными въ свѣтъ сочиненіями и любовію къ наукамъ доказываютъ, что союзъ ихъ принесетъ академіи пользу.

Статья 70-я.

Число ихъ также не ограничивается, и академія ихъ избираетъ по предложенію президента или одного изъ членовъ, который обязанъ президента предувѣдомить.

Статья 71-я.

Десяти изъ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ, избранныхъ какъ внутри, такъ и внѣ государства, по мѣстопребыванію своему и дѣятельности наиболѣе имѣющимъ удобность доставлять свѣдѣнія о предметахъ, занимающихъ академію, производитъ она по двѣсти рублей въ годъ, наблюдая токмо, сколько возможно, чтобъ каждый *пенсіонеръ* принадлежалъ къ особливой наукѣ.

Статья 72-я.

Почетные члены и корреспонденты, находясь въ Санктпетербургѣ, могутъ присутствовать въ собраніи академіи, предувѣдо-

мивъ о томъ президента за день, и имѣютъ голосъ въ ученыхъ по ихъ части разсужденіяхъ.

ГЛАВА VII.

О собраніяхъ Академіи.

Статья 73-я.

Академія имѣетъ три рода собраній ея членовъ: *торжественныя, чрезвычайныя приватныя* и *обыкновенныя.*

Статья 74-я.

Торжественное собраніе бываетъ единожды въ годъ. Оно должно быть празднествомъ наукъ и воздаяніемъ общественной благодарности тѣмъ истиннымъ ученымъ, которые обязали отечество своими бдѣніями. Первые дни послѣ празднества святаго Александра Невскаго суть эпохою сего собранія. Академія приглашаетъ къ нему не только присутственныхъ почетныхъ членовъ своихъ и корреспондентовъ, но и всѣхъ любителей просвѣщенія. Ревностны къ возвеличенію онаго, Мы сами за удовольствіе поставимъ присутствовать въ семъ случаѣ. Президентъ, вице-президентъ или непремѣнный секретарь открываетъ собраніе рѣчью, въ которой академія отдаетъ торжественный отчетъ въ трудахъ того года; представляетъ вліяніе, которое имѣла она въ произведеніи государственной пользы; опредѣляетъ степень общественнаго просвѣщенія и успѣхи наукъ, какъ внѣ, такъ и въ особенности внутри Россіи. Секретарь читаетъ историческія похвалы академиковъ, которыхъ совершенное поприще ознаменовано подвигами. Провозглашаются имена увѣнчанныхъ академіею сочинителей отвѣтовъ на заданные вопросы. Новые академики посвящаютъ вступленіе свое въ академію опытами трудолюбія своего и проницательности. Въ заключеніи собранія президентъ представляетъ Намъ или особѣ, на тотъ случай отъ Насъ наименованной, тѣхъ изъ воспитанниковъ, на которыхъ академія основываетъ надежду свою.

Статья 75-я.

Чрезвычайныя приватныя собранія назначаетъ президентъ, извѣщая о томъ членовъ наканунѣ, вмѣстѣ съ причиною собранія, которою одною сей день исключительно и занимаются.

Статья 76-я.

Обыкновенныя собранія посвящаются чтенію очередныхъ сочиненій академиковъ, сужденій ихъ, разбирательству ученыхъ предметовъ и корреспонденціи съ обществами и учеными. Имъ быть отъ десяти часовъ утра до полудни каждый понедѣльникъ, а если случатся праздники или иныя непредвидимыя нынѣ препятствія, то въ слѣдующій за тѣмъ день по назначенію президента.

Статья 77-я.

Въ обыкновенныя собранія президентъ или занимающій мѣсто его вице-президентъ, послѣ чтенія академическихъ сочиненій и корреспонденціи, могутъ обратить разсужденіе на распоряженія и предметы, отъ нихъ собственно зависящіе.

Статья 78-я.

Тому наипаче, кто предсѣдательствовать будетъ, должно внимать, чтобъ никто не присвоивалъ въ собраніи правъ, непринадлежащихъ ему въ силу настоящаго устава. Онъ можетъ вышедшему изъ границъ напомнить порядокъ; въ случаѣ продолжительности преній, прекратить оныя собраніемъ голосовъ или напослѣдокъ заключить засѣданіе, отложивъ разсужденія до другаго времени.

Статья 79-я.

Впрочемъ мы надѣемся, что никто изъ членовъ академіи не забудетъ пристойности и собственнаго достоинства среди самыхъ преній, тѣмъ паче, что они не могутъ имѣть предметомъ личность, но единую истину и отечественную пользу.

Статья 80-я.

Время отдохновенія отъ собраній продолжается отъ 15 іюля по 15-е августа.

ГЛАВА VIII.

О академическомъ училищѣ.

Статья 81-я.

Академія подъ собственнымъ присмотромъ имѣетъ училище, на которое опредѣляется въ ея штатѣ особая сумма, достаточная между прочимъ на содержаніе неимущихъ *ста* питомцовъ.

Статья 82-я.

Такъ какъ академія всѣмъ сословіемъ своимъ не можетъ непосредственно заниматься управленіемъ своего училища, то на сей конецъ учреждается изъ членовъ ея особый комитетъ подъ названіемъ *училищнаго*, который имѣетъ состоять изъ президента, вице-президента и одного академика, каковой избирается по большинству голосовъ, но ежегодно можетъ быть подтверждаемъ въ должности.

Статья 83-я.

Впрочемъ каждый членъ академіи имѣетъ полное право, поколику время его позволить ему можетъ, входить въ состояніе училища, навѣдываться о благочиніи и о благонравіи питомцовъ, присутствовать при урокахъ, и потомъ представлять въ собраніе академіи свои замѣчанія и мысли для сообщенія комитету, коль скоро оныя собраніемъ одобрены будутъ.

Статья 84-я.

Въ статьѣ 33-й уже сказано, что вице-президенту ввѣрено надзираніе надъ академическимъ училищемъ. Подъ его вѣдѣніемъ управленіе ввѣряется *ректору*, а хозяйственное распоряженіе— *эконому*, которыхъ опредѣляетъ училищный комитетъ по представленію вице-президента, равно какъ *надзирателей* за благонравіемъ питомцовъ, и *учителей*. Прочихъ должностныхъ людей опредѣляетъ вице-президентъ, и доноситъ о томъ комитету въ ближайшее засѣданіе.

Статья 85-я.

Ректоръ избирается изъ людей дознанной нравственности, соединяющихъ привязанность къ отечеству, съ глубокими свѣдѣніями въ способѣ ученія и воспитанія, каковыя могутъ быть пріобрѣтены единымъ опытомъ. Какъ комитетъ, такъ и вице-президентъ, обязаны ему оказывать всякое уваженіе и ободреніе. Онъ состоитъ въ седьмомъ классѣ, если выше того чина не имѣетъ.

Статья 86-я.

Онъ имѣетъ въ непосредственномъ вѣдѣніи своемъ и начальствѣ, какъ нравственныхъ надзирателей, такъ и учителей. Прилежно посѣщаетъ жилыя и училищныя комнаты; выдаетъ эконому отпускаемую на училище сумму; принимаетъ его счеты, повѣряетъ ихъ и представляетъ вице-президенту. Комитетъ, при опредѣленіи ректора, даетъ ему подробнѣйшее начертаніе его должности.

Статья 87-я.

Во время болѣзни ректора, должность его во всѣхъ случаяхъ можетъ занимать младшій товарищъ или адьюнктъ члена академіи, избраннаго для училищнаго комитета.

Статья 88-я.

Надзиратели избраны будутъ изъ людей пожилыхъ, имѣющихъ представить неопровергаемыя свидѣтельства добраго поведенія, которые съ обходительностію соединяли бы нужную строгость и неусыпность въ надзираніи юношества. Они должны жить въ комнатахъ воспитанниковъ и имѣть общій съ ними столъ. Комитетъ будетъ стараться ободрять и награждать ихъ всѣми способами, а нерадивыхъ, наипачежъ подпавшихъ наималѣйшему порицанію въ нравахъ, отставляетъ немедленно.

Статья 89-я.

Надзиратели, неимѣющіе высшихъ чиновъ, числятся въ десятомъ классѣ, пока въ должности пребываютъ. По прошествіи же

шести лѣтъ похвальнаго служенія, утверждаются въ чинѣ, соотвѣтствующемъ сему классу. Послѣ десяти лѣтъ получаютъ они въ пенсіонъ половину ихъ жалованья, хотя бы и службу продолжать пожелали; за двадцатилѣтнюю службу при увольненіи получаютъ въ пенсіонъ полное жалованье.

Статья 90-я.

Учители опредѣляются по испытанію комитета, какъ въ самой наукѣ, такъ и въ образѣ ея преподаванія. Они числятся, судя по степенямъ преподаваемаго ученія, въ 12-мъ, 11-мъ, 10-мъ, и девятомъ классахъ, пока въ должности пребываютъ.

Статья 91-я.

Учители послѣ извѣстнаго числа лѣтъ безпорочнаго и ревностнаго служенія, а по смерти, ихъ семейства, получаютъ пенсіонъ на томъ же основаніи, какъ въ статьи 16-й о членахъ академіи сказано.

Статья 92-я.

Учители въ преподаваніи слѣдуютъ способу, предначертанному комитетомъ, и вспомоществуются одобренными имъ же книгами. Тѣ изъ нихъ, кои изобрѣтутъ новый полезнѣйшій способъ ученія по своей части или представятъ классическую книгу, которая бы впослѣдствіи была одобрена и введена, получаютъ награжденіе изъ академическихъ суммъ, по назначенію комитета, отъ ста до двухъ сотъ рублей.

Статья 93-я.

Поприще академическаго ученія раздѣляется на два *отдѣленія:* отдѣленія *питомцовъ* и *студентовъ*. Питомцамъ преподаютъ учители наставленія въ языкахъ: россійскомъ, латинскомъ, греческомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, въ законѣ Божіемъ, въ исторіи и географіи, въ началахъ математики, въ основаніяхъ естественной исторіи и въ рисованіи. По испытаніи переходятъ питомцы въ отдѣленіе студентовъ, въ которомъ слушаютъ лекціи

академиковъ и адъюнктовъ во всѣхъ математическихъ, физическихъ и философическихъ наукахъ, составляющихъ предметъ академіи.

Статья 94-я.

Кромѣ сихъ наукъ, по разсужденію комитета, могутъ быть введены не токмо нѣкоторыя изящныя художества, но и такія искусства, которыя, служа пріятнымъ разсѣяніемъ, представляютъ навыкъ къ тѣлодвиженію, по роду жизни ученыхъ людей столько необходимому для сохраненія ихъ здоровья.

Статья 95-я

Учителей собственно для наукъ, въ 93-й статьи показанныхъ, назначается восемнадцать человѣкъ; и именно для всякаго языка, кромѣ греческаго, по два, изъ которыхъ каждый можетъ занимать три класса или отдѣленія учениковъ. Сіи учители могутъ обучать и чистописанію поперемѣнно каждое отдѣленіе. На таковомъ же основаніи будутъ для математики два учителя, для первыхъ основаній слога, для логики, географіи, исторіи, нравоученія, введенія въ естественную исторію и рисованія по одному.

Статья 96-я.

Подробное расположеніе ученія, его порядокъ и раздѣленіе времени, зависитъ отъ комитета, и есть дѣло первыхъ его засѣданій.

Статья 97-я.

Назначенную въ штатѣ на жалованье учителей сумму комитетъ располагаетъ, соображаясь съ способностями и трудами, потребными для каждаго класса. Академики и адъюнкты, читающіе лекціи, получаютъ за свои курсы воздаяніе, въ штатѣ особо опредѣленное.

Статья 98-я.

Желающій быть принятъ въ академическіе питомцы долженъ представить ректору свидѣтельство въ отличныхъ способностяхъ

или другихъ обстоятельствахъ, дѣлающихъ его достойнымъ попеченія академіи, подписанное однимъ изъ ея членовъ. Послѣ того ректоръ, удостовѣрившись чрезъ испытаніе академическаго врача въ его здоровьи, представляетъ вице-президенту и получаетъ предписаніе.

Статья 99-я.

Кромѣ сказаннаго въ статьѣ 81-й числа питомцовъ, каждые полгода могутъ быть принимаемы къ слушанію уроковъ отроки двѣнадцати лѣтъ и свыше, навыкнувшіе уже всему тому, что обучаютъ въ обыкновенныхъ народныхъ училищахъ. Ректоръ, удостовѣрившись также въ ихъ здоровьи и поведеніи, представляетъ о нихъ президенту, отъ усмотрѣнія котораго единственно и положенія комитета зависитъ число учениковъ.

Статья 100-я.

Ученики вносятъ въ училище за первый годъ по двадцать четыре рубля, за второй—тридцать и такъ далѣе, прибавляя за каждый по шести рублей до вступленія своего въ студенты. Сначала ходятъ они во всѣ классы, но впослѣдствіи вице-президентъ, судя по представляемымъ отъ ректора вѣдомостямъ о успѣхахъ и по склонностямъ ихъ, опредѣляетъ, къ которому познанію они преимущественно должны готовиться.

Статья 101-я.

Сумма, собираемая сказаннымъ въ 100-й статьѣ образомъ, раздѣляется между учителями по соразмѣрности ихъ жалованья. Но комитетъ имѣетъ право исключить отъ сего награжденія тѣхъ, которые дали себя замѣтить со стороны нерадивости.

Статья 102-я.

Питомцы и ученики, признанные неспособными, нерадивыми или злонравными, если по прошествіи двухъ лѣтъ не перемѣнятся, должны быть возвращены ихъ родственникамъ; питомцы неимѣющіе оныхъ, отошлются въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Отроки же развратныхъ нравовъ, въ предупрежденіе заразительнаго примѣра, удалены будутъ немедленно, коль скоро окажется, что они послѣ трикратнаго увѣщанія надзирателей не исправились.

Статья 103-я.

Учащіеся, по мѣрѣ успѣховъ, опредѣляемыхъ *испытаніемъ*, переходятъ въ высшій классъ или отдѣленіе, напослѣдокъ въ званіи студентовъ слушаютъ лекціи у академиковъ и адъюнктовъ.

Статья 104-я.

Учители, въ концѣ каждой недѣли, подаютъ ректору вѣдомость въ прилежаніи каждаго ученика, а надзиратели благонравія о поведеніи питомцевъ. Сіи вѣдомости представляются вице-президенту.

Статья 105-я.

Надзиратели благонравія и учители руководствуются взаимными наблюденіями и совѣтами. Тѣ и другіе порознь въ назначенные дни, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ, собираются къ ректору для разсужденія и сообщенія другъ другу примѣчаній о томъ, что принадлежитъ къ ихъ должности. Изъ сихъ разсужденій будетъ составлена каждый разъ записка и сообщена вице-президенту.

Статья 106-я.

Академическое училище должно быть помѣщено въ пристойномъ зданіи по близости академическихъ. Оно должно имѣть пространные учебные покои, залу для экзаменовъ, и другія залы, также чистый дворъ и садъ для прогулки и гимнастическихъ игръ юношества.

Статья 107-я.

Училище имѣетъ собственную библіотеку, составленную изъ учебныхъ книгъ, словарей и классическихъ сочиненій. Она, подъ вѣдѣніемъ инспектора, поручается одному изъ учителей.

Статья 108-я.

Дни испытанія какъ учениковъ, такъ и студентовъ, опредѣляются комитетомъ одни послѣ другихъ. На первыхъ присутствуютъ кромѣ комитета тѣ изъ членовъ академіи, которые того пожелаютъ. Но испытанія студентовъ, прошедшихъ хотя одинъ курсъ, производятся при полномъ собраніи; и въ сихъ случаяхъ академики отлагаютъ всѣ прочія упражненія.

Статья 109-я.

Отличившіеся ученики ободряются къ дальнѣйшимъ успѣхамъ раздачею имъ послѣ испытанія книгъ и серебряныхъ медалей. Студенты же, пріобрѣвшіе особенное вниманіе комитета и академіи, получаютъ золотыя медали, носимыя на лентѣ владимірскаго ордена.

Статья 110-я.

Ученики, по испытаніи удостоенные въ студенты, представляются вице-президентомъ въ полномъ собраніи президенту, который, утверждая ихъ въ семъ званіи, даетъ имъ приличное наставленіе.

Статья 111-я.

Студенты, содержимые на счетъ академической суммы, помѣщаются въ отдѣльномъ отъ жилищъ питомцевъ зданіи, подъ непосредственнымъ надзоромъ ректора, который отвѣтствуетъ за ихъ поведеніе, такъ какъ надзиратели за поведеніе питомцовъ.

Статья 112-я.

Студентами могутъ быть и непосредственно приняты тѣ изъ постороннихъ, которые по испытанію найдутся имѣющими потребныя къ тому свѣдѣнія.

Статья 113-я.

Двадцать студентовъ, въ дополненіе къ содержанію ихъ столомъ, получаютъ жалованье изъ штатной суммы; остальные за

тѣмъ изъ питомцовъ употреблены будутъ академіею въ должности, не отвлекающія отъ наукъ, или содержимы на счетъ собственныхъ суммъ, доколѣ не опредѣлятся въ другія мѣста.

Статья 114-я.

Изъ числа студентовъ, прошедшихъ курсъ тѣхъ наукъ, которымъ они себя посвятили, и показавшихъ между тѣмъ способности выше обыкновенныхъ, избираются академіею *ея воспитанники*, о которыхъ въ статьяхъ 49-й и 50-й было сказано.

Статья 115-я.

Воспитанники, пробывшіе при академіи три года, и назначаемые къ поступленію въ адъюнкты, могутъ быть отправлены на толикоежъ время или и болѣе въ чужіе краи. Въ штатѣ опредѣляется ежегодная сумма на четырехъ таковыхъ путешественниковъ, и комитетъ возьметъ пристойныя мѣры, чтобъ сдѣлать пребываніе ихъ внѣ отечества наиболѣе полезнымъ, и ободрять ихъ, какъ во время путешествія, такъ и по возвращеніи. Они ведутъ переписку съ секретаремъ академіи, а отъ членовъ или и президента получаютъ нужныя рекомендательныя письма.

Статья 116-я.

Студенты, которые кончили академическое ученіе и получили одобрительныя въ успѣхахъ своихъ свидѣтельства, состоятъ и въ службу принимаются въ 14-мъ классѣ. Удостоенные выборомъ въ воспитанники—въ 12-мъ; пробывшіе при академикахъ три года и одобренные академіею—въ 10-мъ; одобренные же послѣ упомянутыхъ въ статьѣ 115-й путешествій—въ 9-мъ классѣ. Хотя бы таковые (студенты) по болѣзни или другимъ причинамъ не могли принять никакой опредѣленной должности, а оставили бы академію по полученіи отъ нея одобрительныхъ свидѣтельствъ, то и тогда Мы, въ надеждѣ, что они тѣмъ или другимъ образомъ принесутъ обществу пользу, оставляемъ имъ прежнее ихъ граждан-

ское значеніе и его преимущества. Въ семъ случаѣ они почитаются наравнѣ съ отставленными отъ службы.

Статья 117-я.

Ближайшее и почтительнѣйшее назначеніе студентовъ есть поступать въ воспитанники, а воспитанниковъ—быть адъюнктами, а потомъ академиками или въ другихъ училищныхъ заведеніяхъ профессорами. При избраніяхъ будутъ они академіею предпочтены прочимъ при равномъ достоинствѣ.

Статья 118-я.

Если, сверхъ чаянія, воспитанникъ, по прошествіи нѣкотораго времени, нерадивостію или неприличнымъ поведеніемъ окажется недостоинъ чести, которую ему академія сдѣлала, назначивъ его кандидатомъ своего сословія, то академикъ его обязанъ донести президенту. Президентъ же, собравъ въ полномъ собраніи голоса, можетъ его исключить и предложить назначеніе другаго на его мѣсто. Воспитанникъ въ семъ случаѣ перестаетъ принадлежать академіи, и препровождается въ герольдію.

Статья 119-я.

Такимъ же образомъ, по представленію вице-президента, училищный комитетъ можетъ исключить безъ похвальнаго свидѣтельства студентовъ, впадшихъ въ пороки и пренебреженіе должности.

Статья 120-я.

Академики и адъюнкты, на основаніи 93-й статьи, читающіе лекціи имѣютъ право допускать къ слушанію, кромѣ признанныхъ академіею въ званіи студентовъ, всѣхъ, кого заблагоразсудятъ. Студенты, произведенные изъ академическихъ питомцовъ, однѣ имѣютъ право слушать безусловно. Отъ всѣхъ прочихъ получаютъ преподаватели самое умѣренное воздаяніе, которое полное собраніе академіи каждые три года опредѣляетъ, и возвѣщаетъ предъ начатіемъ курсовъ.

Статья 121-я.

Лекціи раздѣлены будутъ на непрерывные полугодичные курсы, и въ учрежденные дни продолжается каждая не болѣе одного часа, послѣ котораго за роздыхомъ слѣдуетъ другая.

Статья 122-я.

Начало каждаго курса, съ показаніемъ преподавателя и системы, которой слѣдовать будутъ, возвѣстится въ обыкновенныхъ санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ.

Статья 123-я.

Студенты академіи, въ свободные отъ лекцій дни, могутъ, раздѣлясь на общества, подъ руководствомъ адъюнктовъ, дѣлать ботаническія экскурсіи и опыты въ разныхъ частяхъ наукъ, посѣщать фабрики и другія подобныя заведенія, дабы усовершить практическія и технологическія свои познанія. Академикамъ вмѣнится въ заслугу, если они сами не отрекутся руководствовать студентовъ въ сихъ случаяхъ.

Статья 124-я.

На таковой конецъ всѣ общественныя заведенія, кромѣ тѣхъ, которыя по свойству своему не терпятъ постороннихъ посѣщеній, отверсты для членовъ академіи, ея воспитанниковъ и для студентовъ подъ надлежащимъ руководствомъ.

Статья 125-я.

Впрочемъ училищному комитету предоставляемъ не токмо расположить въ подробности порядокъ ученія и правила, которыя во всѣхъ случаяхъ должны наблюдать преподаватели и студенты; но также изобрѣтать и усовершать способы къ надежнѣйшему достиженію цѣли.

Статья 126-я.

Никакія знанія не могутъ замѣнить недостатка добрыхъ нравовъ: и того ради нравственное воспитаніе учащагося юноше-

ства столько же, или и паче, долженствуетъ привлекать попечительное вниманіе комитета, какъ и совершенство преподаваемаго ученія. Мы возлагаемъ на безпосредственный отвѣтъ комитета образованіе будущаго гражданина, воспитывающагося въ академическомъ училищѣ. Выдаваемое имъ одобреніе возвышаетъ всѣ прочія академическія свидѣтельства, а недостатокъ онаго уничтожаетъ ихъ силу.

Статья 127-я.

Обыкновенныя засѣданія училищнаго комитета бываютъ въ послѣобѣденное время, по крайней мѣрѣ единожды въ концѣ каждаго мѣсяца, по извѣщенію президента. Въ оныхъ комитетъ, разсмотрѣвъ внесенныя вице-президентомъ свѣдѣнія о состояніи училища, также представленныя ректоромъ подробнѣйшія вѣдомости, дѣлаетъ на слѣдующій мѣсяцъ свои распоряженія.

ГЛАВА IX-я.

О прочихъ принадлежностяхъ Академіи по ученой части.

Статья 128-я.

Академія имѣетъ собственную *типографію* и *книжную лавку*, *библіотеку*, *физическій кабинетъ* или собраніе физическихъ орудій, *залъ механическихъ моделей*, *астрономическія обсерваторіи*, хранилище естественныхъ и искусственныхъ произведеній или *музей*, *анатомическій театръ*, двѣ *химическія лабораторіи* и *ботаническій садъ*. Первые два предмета приносятъ ей доходы, а прочіе, служа къ употребленію ея членовъ, содержатся на означенныхъ въ штатѣ суммахъ.

Статья 129-я.

Типографія и книжная лавка состоятъ подъ вѣдѣніемъ хозяйственнаго комитета, который употребляетъ чиновниковъ къ управленію ихъ, и чрезъ посредство академика въ немъ засѣдающаго

имѣетъ наблюдать, чтобъ учрежденія сіи приносили академіи всевозможную пользу.

Статья 130-я.

Сей членъ комитета печется между прочимъ о расходѣ изданій академической типографіи и обмѣнѣ ихъ на изданія лучшихъ, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ типографій. Одинъ экземпляръ послѣднихъ всегда представленъ будетъ академической библіотекѣ.

Статья 131-я.

Каталоги назначаемыхъ къ выпискѣ въ книжную лавку книгъ предварительно должны быть, по представленію надзирающаго надъ оною члена, одобрены полнымъ собраніемъ академіи. Симъ подобныя и другія мѣры должны быть взяты комитетомъ для приведенія академическаго книжнаго торга въ самое цвѣтущее состояніе, чтобъ публикѣ, по крайней мѣрѣ со стороны ученыхъ всякаго рода сочиненій, ничего желать не оставалось.

Статья 132-я.

До изданія общаго закона о книготисненіи, запрещается всѣмъ россійскимъ типографіямъ перепечатывать книги, выходящія изъ академической, безъ согласія самой академіи; въ противномъ случаѣ изданіе конфисковано будетъ въ ея пользу.

Статья 133-я.

Какъ въ типографіяхъ ученыхъ и учебныхъ учрежденій надзоръ за печатаніемъ порученъ единственно самымъ симъ мѣстамъ, то академія на сей конецъ избираетъ изъ членовъ своихъ цензора книготисненія.

Статья 134-я.

Должность цензора книготисненія заключается въ просмотрѣніи приносимыхъ въ академическую типографію для напечатанія постороннихъ рукописей, не находится ли въ оныхъ мыслей, устремленныхъ *явно* противу законовъ и общественнаго порядка.

Статья 135-я.

Нетокмо всѣ отдѣленныя сочиненія и переводы членовъ академіи, одобренные ею, печатаются на счетъ типографской суммы, но сочинитель или переводчикъ получаетъ третью долю суммы, продажею выручаемой.

Статья 136-я.

Подтверждается исключительное право, какое академія донынѣ имѣла, печатать календари на россійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, также и Санктпетербургскія Вѣдомости.

Статья 137-я.

Всѣ казенныя и частныя типографіи въ имперіи обязаны доставлять въ академическое книгохранилище одинъ экземпляръ каждаго выходящаго изданія, а въ библіотеку академическаго училища—экземпляръ всякой выходящей учебной книги; за упущенія взыскиваема будетъ съ частныхъ типографій, въ пользу академіи, продажная цѣна двадцати, въ случаѣ же вторичнаго упущенія той же типографіи, — пятидесяти экземпляровъ.

Статья 138-я.

Академическія хранилища книгъ и рѣдкостей состоятъ въ главномъ вѣдѣніи президента, подъ надзираніемъ двухъ членовъ, избранныхъ отъ академіи, одного для хранилища книгъ, а другаго для хранилища естественныхъ произведеній и искусственныхъ рѣдкостей или *музея*. Они получаютъ къ обыкновенному ихъ содержанію прибавленіе, въ штатѣ опредѣленное.

Статья 139-я.

Надзиратели непосредственно отвѣчаютъ за все, что имъ ввѣрено, и не дѣлаютъ сами собою никакихъ важныхъ перемѣнъ. Получивъ прежде одобреніе собранія, представляетъ каждый изъ нихъ президенту о предметахъ, коими бы нужно было хранилище умножить, также и о издержкахъ потребныхъ къ содержанію, умноженію или возобновленію нѣкоторыхъ. Впрочемъ и каждый

членъ академіи имѣетъ право, въ собраніи, о томъ же представлять президенту.

Статья 140-я.

Академики—надзиратели имѣютъ каждый по одному *помощнику*, числящемуся, буде выше того чина не имѣетъ, въ 10-мъ классѣ, также потребное число нижнихъ служителей. Помощники избираются изъ студентовъ, неимѣющихъ рѣшительныхъ способностей къ продолженію наукъ.

Статья 141-я.

Президентъ и собраніе академіи назначатъ два дни въ недѣлю, въ которые дозволяется входъ въ музей и книгохранилище всѣмъ желающимъ оныя видѣть, и получившимъ билеты отъ призидента, вице-призидента или надзирателей.

Статья 142-я.

Относительно до дальнѣйшаго позволенія пользоваться книгами и другими учеными принадлежностями академіи, комитетъ сдѣлаетъ особое постановленіе, принявъ правило, нѣкоторыми предѣлами ограничить употребленія оныхъ для тѣхъ, кои не принадлежатъ къ сословію академіи. Однимъ же академикамъ позволить употребленіе на домахъ.

Статья 143-я.

Обсерваторіи съ ихъ орудіями поручаются въ вѣдѣніе астрономамъ, физическій кабинетъ—физику, зала моделей—механику, ботаническій садъ—ботанику и лабораторіи—химикамъ; всѣ они по временамъ получаютъ отъ хозяйственнаго комитета изъ опредѣленныхъ на сіи предметы суммъ, сколько потребно будетъ. Они, по окончаніи года, отдаютъ отчетъ, какъ собранію, съ показаніемъ произведенныхъ ими перемѣнъ, такъ и комитету.

Статья 144-я.

Академикамъ позволяется допускать къ своимъ наблюденіямъ и опытамъ всѣхъ, кого они пожелаютъ.

Статья 145-я.

Ботаникъ обязанъ, между прочимъ, прилежать къ испытанію, какого рода иностранныя, а паче южной и сѣверной Америки, растенія, свойственныя одинакой широтѣ мѣста съ сѣверною Россіею, могутъ въ нее быть переселены.

О академическихъ суммахъ.

Статья 146-я.

На содержаніе академіи наукъ отпускаемо быть имѣетъ изъ государственныхъ суммъ сто одну тысячу рублей на употребленіе, въ прилагаемомъ здѣсь штатѣ расписанное.

Статья 147-я.

Всѣ прочіе расходы производитъ хозяйственный академіи комитетъ изъ ея собственныхъ доходовъ.

Статья 148-я.

Собственные доходы академіи суть: 1) проценты двухъ капиталовъ, въ сумму санктпетербургскаго воспитательнаго дома положенныхъ, всего на семьдесятъ тысячъ рублей. 2) Суммы, поступающія въ типографію и книжную лавку, какъ за разныя изданія академіи, за вѣдомости и календари, также за напечатаніе посторонныхъ сочиненій и переводовъ, и чрезъ продажу выписываемыхъ лавкою книгъ. 3) Выручаемое за отдачу въ наемъ академическихъ строеній, академіею не занимаемыхъ. 4) Остатки штатныхъ суммъ, происходящіе отъ уменьшенной выдачи тѣмъ изъ членовъ, которые не выслужили лѣтъ, положенныхъ въ штатѣ для полученія полнаго жалованья, и отъ временнаго упраздненія должностей, до наполненія ихъ новыми чиновниками. 5) Остатки отъ расходу процентовъ съ упомянутаго капитала.

Статья 149-я.

Проценты съ находящагося въ воспитальномъ домѣ капитала

будутъ употребляемы на пенсіоны уволеннымъ членамъ академіи и прочимъ чиновникамъ, также и семействамъ ихъ, на основаніи статьи 16-й; въ случаѣ недостатка, пенсіоны дополняются изъ другихъ суммъ академіи.

Статья 150-я.

Доходъ съ типографіи и книжной лавки и найма академическихъ зданій состоитъ въ полномъ распоряженіи хозяйственнаго комитета на предметы, выше въ статьяхъ означенные, и другіе, которыхъ существенная польза для академіи будетъ несомнительна, какъ-то: на усовершеніе академическаго училища, выписываніе лучшихъ періодическихъ сочиненій по ученой части. На сіе послѣднее употребленіе позволяется назначать ежегодно до тысячи рублей.

Статья 151-я.

Прочіе избытки за расходомъ академическихъ суммъ будутъ употребляемы или на дополненіе недостатка въ разныхъ случаяхъ или на приращеніе пенсіоннаго капитала.

ГЛАВА XI.

О хозяйственномъ комитетѣ Академіи.

Статья 152-я.

Хозяйственный комитетъ составляютъ: президентъ, вице-президентъ и одинъ изъ академиковъ, ежегодно избираемый по большинству голосовъ въ полномъ собраніи академіи.

Статья 153-я.

Секретарь академіи, открывая пакеты на имя ея надписанные, посылаетъ тѣ изъ нихъ, которые не принадлежатъ къ ученымъ предметамъ, въ хозяйственный комитетъ.

Статья 154-я.

Комитетъ печется о домашнемъ благоустройствѣ академіи,

о ея собственности, какъ то: о всѣхъ ей присвоенныхъ и въ нее вступающихъ суммахъ, собраніяхъ ея вещей, къ учености принадлежащихъ, ея зданіяхъ, ихъ употребленіи, починкѣ, украшеніи или распространеніи; ея типографіи и хозяйственныхъ распоряженіяхъ ея училища, котораго счеты, вице-президентомъ внесенные, должны быть пріобщены къ прочимъ.

Статья 155-я.

Комитетъ въ дѣлахъ, до него принадлежащихъ, сносится со всѣми присутственными мѣстами отъ имени академіи и на тѣхъ же правилахъ. Впрочемъ онъ ни въ какомъ случаѣ не смѣшиваетъ производства своихъ дѣлъ съ дѣлами собранія.

Статья 156-я.

Комитетъ, представляя въ извѣстномъ отношеніи цѣлую академію, не отдаетъ никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, кромѣ Насъ чрезъ посредство президента. Но членъ академіи, избранный для засѣданія въ ономъ, по истеченіи времени своей обязанности, вноситъ въ полное собраніе подписанную имъ копію всѣхъ счетовъ, и выписку изъ журналовъ комитета, дабы академія могла судить о всѣхъ, учиненныхъ комитетомъ ея въ продолженіи года распоряженіяхъ.

Статья 157-я.

Комитетъ собирается еженедѣльно по вторникамъ и пятницамъ, если въ одинъ изъ сихъ дней не назначено президентомъ чрезвычайнаго собранія академіи. Въ противномъ случаѣ имъ же назначается иной день, или, судя по обстоятельствамъ, до слѣдующей недѣли отлагается засѣданіе.

Статья 158-я.

Въ случаѣ отсутствія одного изъ членовъ голосъ президента имѣетъ перевѣсъ.

Статья 159-я.

Комитетъ имѣетъ собственнаго своего *секретаря* и *прото-*

колиста, который есть и *переводчикъ*. Они назначаются президентомъ изъ академическихъ студентовъ. Имѣетъ также и *казначея*, который опредѣляется на основаніи 12-й статьи.

Статья 160-я.

Секретарь и казначей состоятъ въ 9-мъ классѣ, а протоколистъ—въ 10-мъ, если по представленію комитета въ правительствующій сенатъ выше произведены не будутъ.

Статья 161-я.

На содержаніе приказныхъ служителей и другіе по сей части расходы комитетъ имѣетъ особую сумму.

Статья 162-я.

Первымъ упражненіемъ комитета, по открытіи его въ силу настоящаго устава, должно быть приведеніе въ ясность всего, принадлежащаго къ хозяйственному распоряженію академіи, какъ то: числа необходимыхъ по разнымъ частямъ служителей и тѣхъ, коихъ уволить должно; назначеніе имъ соразмѣрнаго нынѣшнимъ цѣнамъ жалованья и помѣщенія; также наличности собственныхъ ея суммъ; расположенія какъ ихъ хранить и употреблять, какъ возвратить утраченныя, если таковыя найдутся; употребленія ея зданій,—однимъ словомъ, приведенія въ ясность способовъ извлечь изъ настоящаго положенія академіи всю возможную пользу для предбудущаго времени.

Статья 163-я.

Опредѣленіе въ службу академіи *священника* и его причетъ, *доктора* и *лѣкаря*, *экзекутора*, *архитектора*, *механика* и прочихъ необходимыхъ чиновниковъ и художниковъ, также типографскихъ разнаго рода служителей зависитъ отъ комитета. Принимая тѣхъ изъ нихъ, которые чины имѣютъ, обязанъ онъ доносить правительствующему сенату.

Статья 164-я.

Комитетъ опредѣляетъ и отрѣшаетъ также всѣхъ нижнихъ

служителей при академіи, необходимыхъ для содержанія въ ся зданіи стражи, для наблюденія за чистотою и порядкомъ. На сей конецъ можетъ онъ употреблять преимущественно военныхъ инвалидовъ, требуя ихъ отъ государственной военной коллегіи.

Статья 165-я.

Академія и хозяйственный комитетъ сносятся взаимно *выписками* изъ протоколовъ своихъ, за подписаніемъ секретарей; симъ же образомъ комитетъ сообщать будетъ свои положенія и порознь членамъ академіи, если что до кого въ особенности касаться будетъ. Впрочемъ въ статьѣ 28-й уже сказано, что̀ президентъ или засѣдающій съ нимъ въ комитетѣ могутъ въ полномъ собраніи предлагать изустно по ихъ части.

Статья 166-я.

Всѣ прочія сношенія комитета должны быть строжайше ограничены навсегда принятымъ правиломъ. Онъ не вступаетъ съ присутственными мѣстами и другими начальствами ни въ какую переписку, кромѣ какъ принадлежащую собственно до мѣста, котораго голосъ въ правительственномъ отношеніи онъ представляетъ. Академія же не пріемлетъ иныхъ бумагъ, кромѣ имѣющихъ предметомъ ученость.

ГЛАВА XII.

Общія постановленія.

Статья 167-я.

Академія посылаетъ ученые свои акты, непосредственно по изданіи ихъ, не токмо въ тѣ изъ иностранныхъ ученыхъ обществъ, которыя наблюдать станутъ взаимность, но и почетнымъ членамъ, сообщающимъ ей собственныя творенія. Она всѣми образами будетъ стараться умножать и распространять свои сношенія внѣ государства.

Статья 168-я.

Печать академіи, представляющая россійской гербъ съ пристойными символическими изображеніями и надписью, прикладывается къ грамотамъ ея членовъ и корреспондентовъ, которыя бываютъ подписаны отъ имени академіи президентомъ и секретаремъ. Печати хранятся у сего послѣдняго.

Статья 169-я.

Академія обнародываетъ о ежегодныхъ задачахъ своихъ изданіемъ особенныхъ листовъ, которые сообщаются при обыкновенныхъ вѣдомостяхъ и разсылаются во всѣ ученыя общества и учебныя заведенія, какъ россійскія такъ и иностранныя.

Статья 170-я.

Сочиненія на предложенныя задачи будутъ доставлены по крайней мѣрѣ за четыре мѣсяца до торжественнаго собранія академіи. Они могутъ быть писаны на латинскомъ, россійскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, и имена сочинителей не могутъ быть открыты и объявлены прежде, какъ въ упомянутомъ собраніи.

Статья 171-я.

Исполняя предписанное въ 8-й статьѣ, академія, сообразивъ по времени замѣчанія, кои въ продолженіе трудовъ своихъ сдѣлать можетъ каждый членъ ея по своей части, наипачежъ астрономы, ботаники, зоологи и минералоги, и опредѣливъ тѣ статьи, которыя потребуютъ мѣстнаго изслѣдованія, будетъ составлять *проэкты путешествій* по Россіи.

Статья 172-я.

Таковые проэкты имѣютъ быть Намъ поднесены отъ лица собранія академіи, которое вмѣстѣ назначитъ путешественниковъ изъ своего сословія и перечень необходимыхъ издержекъ. Въ слѣдствіе чего Мы, по благоусмотрѣнію нашему, не преминемъ содѣйствовать къ исполненію, всѣми зависящими отъ Насъ пособіями.

Статья 173-я.

Путешествующіе члены академіи имѣютъ право ожидать, по примѣру тѣхъ, которые отправляемы были въ царствованіе августѣйшей бабки нашей, не токмо всякаго ободренія, независимо отъ суммъ академическихъ, но и особенной награды за открытія, кои послужатъ непосредственно къ государственной пользѣ.

Статья 174-я.

Всякое открытіе, сдѣланное путешествующимъ академикомъ, и доставленное въ его сословіе, коль скоро представляетъ въ себѣ непосредственную для государства выгоду или возможность сдѣлать употребленіе въ пользу жителей того края, гдѣ оно учинено, немедленно сообщится отъ академіи начальству, до котораго оно по роду своему принадлежитъ.

Статья 175-я.

Академія и въ прочихъ случаяхъ, если открытіе, сдѣланное членомъ ея или ставшее ей извѣстнымъ, можетъ послужить къ усовершенію въ какой либо части государственныхъ или сельскихъ работъ, также рукодѣлій, промысловъ и торговли, безъ замедленія относится съ замѣчаніемъ въ то начальство, которое изъ открытія можетъ сдѣлать ближайшее употребленіе или послужить къ распространенію въ народѣ.

Статья 176-я.

Равнымъ образомъ, всѣ начальства въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ могущественное пособіе наукъ потребно будетъ къ производству или облегченію работъ въ какой либо части, также, гдѣ познанія, снисканныя вѣками, могутъ распространять свѣтъ на предметы или облегчить приложеніе къ нимъ частныхъ свѣдѣній, имѣютъ право относиться къ академіи и просить ея разрѣшенія.

Статья 177-я.

Академія, въ обстоятельствахъ, гдѣ отвѣтъ ея на запросъ го-

сударственнаго мѣста будетъ недостаточенъ, можетъ послать для объясненія и личнаго обозрѣнія или сужденія одного или нѣсколькихъ изъ членовъ своихъ.

Статья 178-я.

Члены академіи и другіе чиновники, которыхъ должность болѣе требуетъ безотлучнаго присутствія, будутъ со временемъ помѣщены въ академическихъ строеніяхъ, со всѣми, слѣдующими имъ по ихъ званію и семействамъ выгодами. Но въ такомъ случаѣ хозяйственный комитетъ будетъ вычитать изъ суммы, назначенной на содержаніе каждаго, по двѣсти рублей. Предварительно же помѣстятся тѣ, которымъ въ штатѣ назначены жилища.

Статья 179-я.

Вообще, содержаніе членовъ академіи и издержки, относительныя къ ея цѣли, неограничиваются штатными суммами. Но отъ хозяйственнаго комитета зависитъ, по требованіямъ собранія, доставлять первымъ выгоды, а къ послѣднимъ дѣлать прибавленія, каковыя найдетъ возможными на счетъ собственныхъ доходовъ академіи.

Михайло Муравьевъ.
Графъ Северинъ Потоцкій.
Николай Фусъ.
Федоръ Баузе.

12) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Томъ первый. Царствованіе императора Александра I. Изданіе второе 1875. Регламентъ академіи наукъ, стр. 89—116.

13) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 227, № 10. 620. Прилагаемый проэктъ, по всей вѣроятности, представленъ барономъ Николаи. Въ находящемся въ архивѣ министерства реэстрѣ бумагъ, препровожденныхъ къ Новосильцову, обозначено: «Привилегія и регламентъ академіи наукъ, сочиненный барономъ Николаемъ». Всѣ бумаги, названныя въ реэстрѣ, сохранились въ архивѣ до настоящаго времени; всѣ под-

писаны ихъ составителями за исключенiемъ приводимаго устава и проэкта, писаннаго рукою Фусса. Сходство послѣдняго проэкта съ утвержденнымъ уставомъ заставляетъ предполагать, что рукопись Фусса есть тотъ самый документъ, который въ архивномъ реэстрѣ названъ «проэктомъ устава академiи наукъ, представленнымъ президентомъ оной Николаемъ Новосильцовымъ». Указанiе же реэстра — «привилегiя и регламентъ академiи» можетъ относиться только къ приводимому уставу. Онъ составленъ во время президентства Николаи, какъ видно изъ помѣтки на немъ: $1\frac{16}{1}803$. Но неизвѣстно, до какой степени участвовалъ въ его составленiи Николаи. Содержанiе устава обнаруживаетъ сильное участiе Озерецковскаго, собственноручныя замѣчанiя котораго непосредственно слѣдуютъ за уставомъ.

Уставъ Академiи Наукъ.

§ 1. Академiя Наукъ состоитъ подъ единственнымъ нашимъ покровительствомъ и вѣдѣнiемъ, а попечителемъ себѣ имѣетъ одного только министра народнаго просвѣщенiя, который собственно Нами опредѣляется.

§ 2. Ее составляютъ мужи, искусные въ разныхъ наукахъ, которые и должны пещися о славѣ и чести академiи, обращая труды свои въ пользу нашего государства.

§ 3. Мужи оные должны быть искусны въ математикѣ по всей ея обширности, въ опытной физикѣ, въ химiи, въ естественной исторiи, то есть въ зоологiи, въ ботаникѣ и минералогiи, наконецъ въ анатомiи и физiологiи.

§ 4. По томъ въ академiи должно быть: 1) математику, 2) астроному, 3) физику, 4) механику, 5) зоологу, 6) ботанику, 7) минералогу, 8) химику, 9) анатомику и вмѣстѣ физiологу.

§ 5. Поелику для многоразличныхъ изслѣдованiй въ природѣ могутъ понадобиться академики для посылокъ въ отдаленныя области нашей имперiи, то дабы академiя никогда не оставалась безъ ученыхъ людей, нужнымъ находимъ, чтобы при академiи въ нѣкоторыхъ наукахъ было по два, а въ другихъ по три члена.

§ 6. Изъ нихъ ни одинъ не долженъ вступать въ академію прямо академикомъ, кромѣ великихъ Бургавовъ, Альбиновъ, Линнеевъ, и проч., а всякій другой вступаетъ только адъюнктомъ по балотированію, въ которомъ если бы одинъ шаръ случился невзбирательный, то академія приступаетъ къ испытанію кандидата въ его знаніяхъ, которыя если удостоенный въ адъюнкты докажетъ еще шестью сочиненіями или диссертаціями, достойными актовъ академіи, то министръ и собраніе производятъ его въ академики, оставляя па адъюнктскомъ жалованьѣ, которое можетъ онъ увеличить, преподавая наставленія въ университетѣ.

§ 7. Въ собраніяхъ академіи, академики, равно какъ и адъюнкты, читаютъ свои сочиненія, которыя помѣщаются въ актахъ академіи; такимъ образомъ адъюнкты тоже дѣлаютъ, что и академики; слѣдовательно они суть настоящіе члены академіи и во всѣхъ сужденіяхъ имѣютъ голосъ съ академиками.

§ 8. Польза нашего государства и слава академіи требуютъ, чтобы она состояла изъ собственныхъ нашихъ подданныхъ, и такъ надлежитъ быть при ней училищу, въ которомъ бы обучались и приготовляемы были воспитанники въ званіе адъюнктовъ, а потому и возлагаемъ на министра народнаго просвѣщенія возстановить академическую гимназію и университетъ и содержать оные въ томъ точно порядкѣ, какой предписанъ регламентомъ прабабы нашей императрицы Елисаветы I.

§ 9. Гимназія и университетъ состоять должны въ полномъ вѣдѣніи и надзираніи цѣлой академіи, то есть: всѣхъ ея членовъ безъ исключенія, дабы каждый членъ по своей наукѣ успѣхи воспитанниковъ видѣть и способнѣйшихъ могъ назначать къ отправленію въ иностранные университеты для усовершенствованія ихъ въ званіе адъюнктовъ. Самая же академія, съ вѣдома министра или своего попечителя, ежегодно избирать будетъ троихъ старѣйшинъ изъ россійскихъ своихъ членовъ, которые составятъ комитетъ, и за всѣми по академіи экономическими дѣлами рачительно смотрѣть и министра увѣдомлять должны. Особенному ихъ смо-

трѣнію препоручается типографія и книжная лавка, отъ которыхъ академія имѣетъ свои доходы.

§ 10. Разныя науки различныхъ требуютъ пособій; потому возлагаемъ па министра, чтобъ астрономы имѣли порядочную обсерваторію, физики—физическій кабинетъ, химики—лабораторію, зоологи и минералоги—собранія естественныхъ произведеній, ботаники—обильный растеніями садъ, механики—свою мастерскую, и наконецъ анатомики — свой анатомическій театръ.

§ 11. Академія будетъ по прежнему продолжать изданіе своихъ сочиненій подъ названіемъ актовъ, на языкахъ латинскомъ и россійскомъ, не употребляя отнюдь ни французскаго, ни нѣмецкаго языка, какъ ивъ прежнемъ регламентѣ академіи запрещено сіе было; потому что на сихъ языкахъ уже многіе миліоны книгъ написаны и вновь ежегодно прибавляются, а на россійскомъ языкѣ еще недостаетъ и самыхъ нужныхъ твореній; латинскій же языкъ былъ и будетъ всеобщимъ ученыхъ языкомъ, для взаимнаго ихъ разумѣнія. Сверхъ того академія главнѣйшую пользу трудами своими доставлять должна своему отечеству, потому академики и адъюнкты изъ природныхъ россіянъ наиболѣе стараться должны, чтобъ какъ собственныя свои открытія, такъ и изъ чужестранныхъ сочиненій почерпнутыя изобрѣтенія, сообщать своимъ соотечественникамъ на природномъ ихъ языкѣ.

§ 12. Академіи предоставляется прежнее право задавать на рѣшеніе ученыхъ задачи изъ математическихъ и физическихъ наукъ, взятыхъ во всемъ ихъ пространствѣ, то есть: относя къ первымъ высшую математику, механику, оптику и астрономію; а ко вторымъ—химію, натуральную исторію вообще, анатомію и физіологію; за рѣшеніе таковой задачи назначается сто червонныхъ или равноцѣнная золотая медаль.

§ 13. Академія собственнымъ своимъ избраніемъ удостоиваетъ въ адъюнкты, академики, почетные члены и корреспонденты, также въ ректоры, въ профессоры, учители и надзиратели въ академическіе университетъ и гимназію, предваривъ о томъ своего министра; другихъ же служителей, нужныхъ по академіи, изби-

раетъ комитетъ, состоящій изъ помянутыхъ трехъ старѣйшинъ, съ согласія на то министра.

§ 14. Когда кто изъ членовъ академіи выбудетъ, то она не обязывается немедленно принимать другаго на его мѣсто, но употребляетъ должное время и вниманіе, чтобъ замѣнить его достойнымъ. При равномъ достоинствѣ природный россіянинъ предпочитается чужестранцу. Потому о всякомъ упразднившемся мѣстѣ будетъ предварительно обнародовано въ россійскихъ вѣдомостяхъ, дабы почитающіе себя способными могли прислать сочиненія и лично предстать къ испытанію академіи.

§ 15. Академія имѣетъ право требовать отъ другихъ училищъ, какъ то: университетовъ, семинарій и пр., такихъ воспитанниковъ, которыхъ способности сдѣлаются ей извѣстны, и съ согласія ихъ начальствъ принимать къ себѣ, по должномъ испытаніи, въ студенты и потомъ въ адъюнкты.

§ 16. Переписку какъ иностранную, такъ и внутреннюю по ученымъ дѣламъ, со всѣми мѣстами и особами, ведетъ ученый секретарь, котораго избираетъ академія изъ своихъ членовъ на неопредѣленное время. Онъ въ собраніяхъ академіи пишетъ протоколы, изъ которыхъ извлекаетъ исторію академіи для ея актовъ, и печется объ исправномъ изданіи оныхъ. Въ вѣдѣніи своемъ имѣетъ онъ архиварія, переводчика и писца. Съ согласія членовъ академіи отвѣтствуетъ на приходящія въ оную письма, и какъ содержаніе ихъ, такъ и отвѣты свои вноситъ въ протоколъ.

§ 17. Мнѣнія, предложенія и разсужденія членовъ, которыя въ протоколѣ помѣстить они заблагоразсудятъ, секретарь долженъ вносить вѣрно и обстоятельно, ничего не умалчивая и не прикладывая; а если бы то и другое сдѣлалъ онъ умышленно, въ такомъ случаѣ собраніе можетъ его отъ секретарской должности отрѣшить, и на мѣсто его выбрать другаго.

§ 18. Академики и адъюнкты должны представлять въ собраніяхъ академіи свои собственныя сочиненія, каждый по своей наукѣ. Не назначается время и очередь къ представленію ихъ со-

чиненій; а чѣмъ болѣе кто оныхъ представитъ, тѣмъ отличнѣе будетъ въ своемъ сообществѣ, и оный, по прошествіи трехъ годовъ, сверхъ своего жалованья, получитъ въ награжденіе пять сотъ рублей. Изъ нихъ желающіе обучать въ академическомъ университетѣ предпочтены быть должны всѣмъ постороннимъ профессорамъ, и сверхъ своего жалованья получаютъ все то, что по академическому университету за какую науку положено.

§ 19. Извѣстно изъ многихъ опытовъ, что порученные академикамъ воспитанники академической гимназіи и университета, вмѣсто того, чтобъ научиться отъ нихъ одной своей наукѣ въ кратчайшее время, препроводили при нихъ многіе годы, и при всѣхъ своихъ къ наукамъ способностяхъ, не только великихъ, но ниже посредственныхъ успѣховъ не сдѣлали (чему и нынѣ есть въ академіи очевидный примѣръ). Потому академикамъ воспитанниковъ для обученія, какъ донынѣ велося, препоручать болѣе не должно; а несравненно полезнѣе обучившихся въ академическомъ университетѣ и надежныхъ для академіи отправлять въ иностранные университеты, въ которыхъ почти всѣ россійскіе адъюнкты и академики, которые въ здѣшней академіи были и теперь находятся, пріобрѣли свои знанія, и удостоились быть членами оныя.

§ 20. Сверхъ того, поелику академія есть такое собраніе ученыхъ людей, которыхъ верховное правительство назначать и употреблять можетъ въ разныя посылки для наблюденій, изслѣдованій и описаній разнаго рода предметовъ, — чѣмъ главнѣйшую академія приносить можетъ пользу; то когда академикъ или адъюнктъ отправляются въ посылку, можно послать съ ними воспитанника академическаго университета, для его усовершенствованія въ той наукѣ, которая будетъ цѣлью ихъ отправленія.

§ 21. Возстановляя университетъ при академіи, приводя въ лучшее состояніе заведенные въ государствѣ нашемъ университеты и учреждая новые, ласкаемся Мы надеждою, что училища оныя произведутъ такихъ людей, которые познаніямъ своимъ удостоятся быть въ академіи адъюнктами и академиками, ей останется дѣлать изъ нихъ хорошій только выборъ, въ которомъ фи-

зики первенствуютъ по физическимъ, а математики—по математическимъ наукамъ.

§ 22. Въ выборѣ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ соблюдать должно, чтобъ физиками избираемы были физики, а математиками математики и пр. Почетными членами и корреспондентами могутъ быть какъ россіяне, такъ и иностранные. По сочиненіямъ сихъ членовъ и по свѣдѣніямъ и присылкамъ, отъ корреспондентовъ доставляемымъ, академія безпристрастно должна разсматривать, которымъ изъ нихъ пенсію, въ 200 рубляхъ состоящую, ежегодно производить будетъ надобно; каковыхъ пенсіонеровъ полагается токмо десять. Всякій почетный членъ и корреспондентъ, какъ россійскій, такъ и иностранный, въ собраніяхъ академіи присутствовать иначе не можетъ, какъ съ согласія всей академіи.

§ 23. Обыкновенныхъ собраній академія имѣетъ два въ недѣлѣ, по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 10-ти часовъ утра до полудня и далѣе, ежели въ томъ будетъ надобность. Что въ сихъ собраніяхъ происходить будетъ въ теченіе года, то сокращенно предложено быть долженствуетъ въ одномъ публичномъ собраніи, для котораго назначаетъ день попечитель академіи. Въ семъ собраніи академія должна отдавать отчетъ публикѣ въ своихъ упражненіяхъ и обнародовать рѣшенія на задачи, ей присланныя. Отъ сихъ собраній удалена быть должна всякая пышность, какъ неприличная ученымъ обществамъ. Кромѣ обыкновенныхъ собраній можетъ случиться надобность и въ чрезвычайныхъ собраніяхъ, о причинѣ которыхъ напередъ извѣщаетъ секретарь всѣхъ членовъ академіи, и они должны собраться.

§ 24. По примѣру всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, академія отъ дѣлъ своихъ будетъ имѣть отдохновеніе съ 15-го числа іюля по 15-е августа; на сіе время собранія ея останавливаются, но въ чрезвычайныхъ случаяхъ сбираются члены ея, какъ выше сказано.

§ 25. Споспѣшествуя академіи въ распространеніи человѣческихъ познаній, позволяемъ ей сноситься со всѣми начальствами

въ нашемъ государствѣ *сообщеніями*, выключая святѣйшій правительствующій синодъ и правительствующій сенатъ, въ разсужденіи свѣдѣній, какія понадобятся ей по наукамъ, повелѣвая онымъ начальствамъ удовлетворять академіи, сколько могутъ, своими отвѣтами. Отношенія ея къ начальствамъ, внѣ столицы находящимся, освобождаются отъ платежа почтовыхъ сборовъ, равнымъ образомъ и всѣ письма и посылки, въ оную отправляемыя, повелѣваемъ принимать на почтахъ безденежно и за провозъ съ академіи платы не требовать.

§ 26. Отъ пособій начальствъ, во всей нашей имперіи учрежденныхъ, будетъ имѣть приращеніе наша кунсткамера, въ которую повелѣваемъ онымъ начальствамъ присылать все рѣдкое изъ трехъ царствъ природы, поручая оную въ смотрѣніе натуралисту. Пособіемъ тѣхъ же начальствъ распространенъ быть можетъ при академіи ботаническій садъ, когда ей присылаемы будутъ сѣмена, отрасли и корни произрастеній, свойственныхъ разнымъ климатамъ нашей имперіи. Надъ садомъ смотрѣніе имѣть долженъ ботаникъ. Съ пріумноженіемъ естественныхъ произведеній въ кунсткамерѣ, для помѣщенія ихъ и для преподаванія наставленій въ зоологіи и минералогіи понадобится въ ней болѣе мѣста, потому библіотеку, которая въ одномъ зданіи съ собраніемъ естественныхъ вещей нынѣ находится, повелѣваемъ отъ онаго отдѣлить и помѣстить въ другомъ зданіи, дабы въ пожарномъ случаѣ не всѣ драгоцѣнности вдругъ погибнуть могли. Библіотека поручается одному изъ членовъ академіи, по ея выбору, который долженъ всякія книги выдавать академикамъ и адъюнктамъ подъ росписку.

§ 27. Всѣмъ академикамъ, адъюнктамъ, почетнымъ членамъ и корреспондентамъ давать дипломы за подписаніемъ попечителя и ученаго секретаря, съ приложеніемъ обыкновенной академической печати. Постановляемъ притомъ, чтобъ каждый членъ, со вступленія своего въ академики, а адъюнкты по удостоенію въ сіе званіе, имѣли государственные чины, первые шестаго, а другіе седьмаго класса, и потомъ бы далѣе производимы были на ряду

со всѣми прочими чиновниками, въ статской службѣ находящимися. Воспитанники же излишніе для академіи, по одобренію ея, принимаемы будутъ въ нашу службу съ тѣми оберъ-офицерскими чинами, которыхъ академія свидѣтельствомъ своимъ ихъ удостоитъ, а если бы академіи понадобилось кого нибудь изъ воспитанниковъ отправить въ путешествіе по Россіи для какихъ либо изслѣдованій съ академикомъ или адъюнктомъ, въ такомъ случаѣ представляетъ академія попечителю, а онъ Намъ, какимъ кто чиномъ изъ воспитанниковъ ободренъ быть долженъ; но воспитанники, которые отъ академіи отправляемы будутъ въ чужія государства, предназначаются въ адъюнкты, и слѣдовательно, когда академія удостоитъ ихъ сего званія, получаютъ чинъ седьмаго класса; въ противномъ же случаѣ выходятъ изъ академіи на основаніи ея воспитанниковъ, о коихъ сказано выше. Освобождаемъ отъ постоевъ собственные домы академиковъ распростирая сіе облегченіе на ихъ вдовъ и сиротъ. Оставляемъ на пенсіи служившимъ при ней въ разныхъ должностяхъ людямъ проценты отъ семидесяти тысячъ рублей, въ санкпетербургскомъ воспитательномъ домѣ находящихся. Оставляемъ академіи всѣ ея доходы отъ типографіи и книжной лавки, отъ продажи вѣдомостей, календарей и пр. на употребленіе въ ея пользу и на ежегодное ободреніе чиновниковъ и служителей за ревностные труды, повелѣвая комитету сноситься въ томъ съ собраніемъ академіи; и наконецъ академикамъ, прослужившимъ двадцать лѣтъ, равно какъ и адъюнктамъ, повелѣваемъ производить въ пенсію полное ихъ жалованье, когда бы они по какимъ либо основательнымъ причинамъ въ академіи служить болѣе не пожелали.

§ 28. Въ награжденіе академиковъ, адъюнктовъ и ими одобренныхъ людей, разныя должности по академіи отправлявшихъ, призираемъ мы и ихъ потомство, опредѣляя умершихъ академиковъ, сколько бы времени при академіи они-ни прослужили, вдовамъ половинное мужей ихъ жалованье, до новаго ихъ замужества, если бы когда нибуть сіе случилось; а дѣтямъ мужескаго пола—до опредѣленія къ должности или въ государственное воспитатель-

ное заведеніе, женскаго жъ—до вступленія въ бракъ. Тѣмъ же самымъ ободряемъ и другихъ чиновниковъ, двадцать пять лѣтъ при академіи прослужившихъ, которыхъ потомство академія удостоитъ пенсіи, которую всѣмъ имъ производитъ изъ статной суммы.

Съ сего времени академія съ своею гимназіею и университетомъ жалованье въ годъ получать будетъ по сту по пятидесяти тысячъ рублей изъ государственнаго казначейства, откуда выдачу онаго производить ей каждые два мѣсяца.

§ 29. Въ заключеніе сего устава объявляемъ наше желаніе и вмѣстѣ надѣемся, что преемники наши, съ равнымъ къ имперіи нашей доброжелательствомъ, оставятъ академію наукъ при сихъ правахъ и преимуществахъ, которыя мы ей жалуемъ.

14) Историческое обозрѣніе трудовъ академіи наукъ на пользу Россіи въ прошломъ и текущемъ столѣтіяхъ. Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи академіи 29 декабря 1864 года академикомъ К. С. Веселовскимъ. 1865, стр. 40.

15) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 20. Помѣщаемый планъ читанъ въ конференціи 2 ноября 1803 года.

Plan de l'ouvrage périodique que l'Académie se propose de publier conformement à l'article 9me du nouveau Reglement.

Quand on jette un coup d'oeil sur les collections des mémoires de celles d'entre les académies et sociétés des sciences qui ont pris naissance vers la fin du dixseptième siècle et au commencement du siècle passé, et que de là on tourne son regard vers les progrès si marqués de la culture des sciences et de la propagation des lumières, on ne sçaurait guères y méconnaître l'influence heureuse et réciproque des associations savantes sur l'esprit du temps et de l'esprit du temps sur les associations savantes. Cette action et réaction se manifeste d'un côté dans l'étendue du terrain que les sciences ont gagné et dans le plus grand nombre de ceux qui les cultivent; de l'autre côté dans le choix des objets des recherches scientifiques, et jusque dans la

manière de les voir et de les traiter, qui, depuis que les sciences ne sont plus exclusivement l'occupation des savans de profession, ont subi des modifications sensibles dans le fond et dans la forme, et souffert des changemens amenés par la tendance toujours plus marquée de s'accommoder aux besoins du temps et au desir de s'instruire que témoignait un public cultivé et avide d'instruction.

Dans les premiers temps qui suivirent la fondation de ces institutions savantes et qui favorisèrent particulièrement l'étude des sciences mathématiques et physiques, étude qui, par sa nature, n'est ni à la portée, ni, par conséquent, du goût du grand nombre, cette influence ne pouvait pas, à la vérité, être bien sensible. Fidèles au but primitif de leur institution qui fut le perfectionnement des sciences exactes, et uniquement occupées pendant longtemps à poursuivre les nouvelles routes, ouvertes au génie inventeur, par les nombreuses découvertes qui venaient de changer la face et d'ajouter de nouvelles branches à ces sciences. Les académies ne purent guères alors influer sensiblement sur le grand public; leurs travaux n'étaient connus que des seuls savans de profession qui seuls aussi étaient en état d'en profiter et de les apprécier, tandis que le grand nombre ne vit dans ces occupations que des spéculations stériles de théorie, ignorant combien plusieurs de ces spéculations avaient été susceptibles d'applications heureuses, et combien elles avaient contribué à l'utilité pratique et au perfectionnement des arts mécaniques.

Cette erreur était pardonnable, mais elle ne laissait pas de faire un tort réel aux académies, en retrécissant la sphère de leur activité, par là même que leur utilité était méconnue. Aussi les formes qu'elles observaient dans la publication de leurs mémoires, lesquels, en embrassant toute l'étendue du domaine des sciences, composent des suites nombreuses de gros volumes, contribuèrent à isoler les académies au milieu d'un public non moins disposé a recevoir l'instruction que préparé à la mettre à son profit.

Mais peu-à-peu ces mêmes sociétés savantes s'appliquèrent à

populariser les sciences, en les dépouillant de tout ce qu'elles pouvaient avoir de trop rebutant pour un public mélé qui n'est pas composé uniquement de savans. On commença à mettre plus à la portée de tout le monde les recherches scientifiques qui en étaient susceptibles; à leur donner plus d'intérêt par des applications fréquentes aux arts et métiers; et à présenter sous différentes formes les résultats fructueux du calcul, de l'observation et de l'expérience, fruits des recherches théorétiques. Almanacs, gazettes, journaux, tout fut mis en usage pour mettre le public dans les intérêts des sciences, pour l'éclairer sur leur utilité réelle et pour les lui rendre chères, en les faisant tourner le plus directement possible au bien général.

C'est depuis ce temps-là que plus instruit sur le véritable bien que les sciences peuvent procurer à l'état où elles fleurissent, et sur le but et l'utilité des académies et sociétés savantes, le public a commencé à leur rendre plus de justice. Mieux en état d'apprécier leurs travaux du moment qu'elles leur ont donné un but et une publicité plus à sa portée, il profite des applications pratiques qu'elles lui offrent, et leur passe les recherches purement speculatives en faveur de celles qu'il peut convertir immédiatement à son profit.

Or si d'un côté on doit convenir que sans une utilité pratique quelconque les sciences ne seraient qu'un luxe d'esprit, il ne faut pas oublier que de l'autre côté une pratique qui n'est point éclairée par le flambeau de la théorie, ne marche qu'en tâtonnant et conduit à un empirisme qui dans les arts n'est guères plus recommandable que l'empirisme en fait de médecine. Le premier opère quelquesfois des inventions et l'autre des cures, mais ces succès fortuits sont d'ordinaire achetés au prix de mille tentatives manquées. Il faut surtout se garder de taxer legèrement de sterilité les spéculations théorétiques dont on ne voit pas d'abord résulter une application fructueuse. Car combien de fois des recherches analytiques — en apparence les plus oiseuses — telles par exemple que l'inté-

gration d'une formule ou équation différentielle, la rectification ou la quadrature d'une ligne courbe, la sommation ou reversion d'une série, et d'autres, n'ont elles pas frayé la route à la solution des problèmes les plus importans de la mécanique, de l'hydraulique, de la navigation ou de l'astronomie? combien de fois la découverte d'une nouvelle propriété de quelque corps organisé ou non organisé, de quelque fluide aëriforme; celle d'une nouvelle application, direction ou modification des forces motrices, n'a-t-elle pas conduit aux avantages techniques les plus précieux?

Quiconque se met à parcourir l'histoire des progrès des sciences et des arts y trouvera sans peine cent exemples qui prouvent ce qui vient d'être avancé, et conviendra que de pareilles considérations doivent engager les académies à continuer de s'occuper de la double tâche de cultiver les connaissances pratiques qui conduisent au perfectionnement des arts, en même tems que celles qui mènent au perfectionnement des sciences mathématiques et physiques, sans lesquelles la route la plus sûre pour arriver aux premières est fermée et ne laisse libres que de sentiers tortueux difficiles et incertains.

L'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg qui a eu constamment en vue la combinaison de ces deux tâches vient d'y être engagée plus formellement, par le nouveau reglément que Sa Majesté l'Empéreur a daigné trèsgracieusement lui donner. Persuadé de l'utilité des recherches théorétique l'auguste protecteur des sciences ordonne expressément à son académie de continuer à en donner un volume par an; mais Il lui a préscrit en même temps de publier en langue russe un volume de mémoires propres, par leur utilité pratique, à intéresser le public.

Conformement à cette volonté suprême, qui authorise et ennoblit la combinaison de deux tâches mentionnées, l'académie a arrêté le plan suivant pour la publication de ce recueil:

I.

L'ouvrage sera périodique et paraîtra, à des epoques fixées ci-dessous, en langue russe, sous le titre:

Journal technologique
ou
Recueil de mémoires
et notices
concernant la technologie
et
l'application des découvertes
faites dans les sciences
à un usage pratique quelconque
ouvrage périodique
publié par l'Académie Impériale
des Sciences.

II.

Le principal but de cet ouvrage étant de répandre la connaissance de toutes les applications utiles de la Mécanique, de l'Hydraulique, de la Physique, de la Chymie, de la Minéralogie, de la Botanique et de la Zoologie, en tant que ces sciences, qui ont été de tout temps l'objet des recherches de l'académie, peuvent contribuer au perfectionnement des fabriques et manufactures, de l'économie rurale et forestière, des mines et fondéries, des arts et métiers: ce recueil sera destiné particulièrement à recevoir des mémoires concernans la Technologie proprement dite, et les mémoires en seront le fonds principal.

III.

Mais comme il peut se présenter quantité de découvertes et d'inventions qui, sans être dans un rapport directe avec la Technologie, peuvent intéresser et instruire un puclic cultivé, afin d'augmenter l'utilité de cet ouvrage et le rendre instructif pour un plus grand nombre de lecteurs et pour des personnes de tous les états et de toutes les vocations: on y fera entrer aussi d'autres notices et mémoires, relatifs à d'autres objets, lorsqu'ils sé-

ront jugés propres à répondre des notions utiles, à éclaircir ou expliquer des faits et des phénomènes curieux.

IV.

Il en páraitra un cahier de dix à douze feuilles tous les trois mois, de sorte que les quatre numéros de l'année formeront un volume de quarante à quarante huit feuilles grand in 8°.

V.

Les articles de chaque cahier seront divisés en six chefs qui contiendront:

1°) Des mémoires originaux présentés à l'académie par les académiciens et adjoints, par les membres honoraires et les correspondans.

2°) Des mémoires technologiques les plus intéressans pour la Russie, tirés des meilleurs journaux étrangers et traduits en russe.

3°) Des analyses et des extraits des meilleurs ouvrages systématiques qui ont parus sur la Technologie, ou une de ses branches, chez les nations le plus éclairées et les plus industrieuses de l'Europe.

4°) Des descriptions courtes, mais claires et précises de nouvelles machines, instrumens, outils, de nouveaux procédés, de manipulations, préparations nouvelles, relatives aux arts et métiers.

5°) Des courtes notices de nouvelles observations, expériences et découvertes dans toutes le sciences en général, en tant qu'elles pouvait intéresser le public et lui être présentées d'une manière lumineuse.

6°) Des nouvelles littéraires et autres, comme annonce des livres nouveaux les plus importans, des questions proposées, des prix remportés, des établissemens nouveaux et des nouvelles entreprises faites en faveur des sciences et des arts, des ordonnances concernant les fabriques et manufactures, le commerce et l'industrie nationales.

VI.

Chaque cahier sera accompagné des figures gravées nécessaires pour l'explication et l'intelligence des machines, instrumens, outils, appareils et autres objets dont on y donne la description et dont y explique l'usage.

VII.

Chaque cahier sera pourvu aussi d'un table des matières; et à la fin du quatrième numéro suivra, pour la commodité des lecteurs, un registre pour le volume entier.

VIII.

Le prix sera invariable et le même pour chaque numéro, et les cahiers se distribueront, à la fin de chaque trimestre, numérotés et brochés, à tous les amateurs qui ne les demanderont pas expressément en feuilles.

IX.

Le premier numéro destiné pour le premier trimestre de l'année prochaine paraîtra vers la fin du mois de mars 1804.

Afin de mettre dans la publication de ce journal tout l'ordre et l'exactitude possibles, l'académie prendra les arrangemens suivans:

1°) Tous les académiciens sont invités à coopérer à ce journal, en présentant des mémoires, observations, notices et autres articles qui par leur objet répondent au but et au plan de cet ouvrage.

2°) La conférence fera traduire, par son translateur, les articles qui lui auront été présentés dans cette vue en latin, français ou allemand.

3°) Elle fera circuler parmi les académiciens et adjoints plusieurs ouvrages périodiques et autres relatifs à la technologie. Chacun indiquera à la conférence les articles qui lui auront

paru propres à occuper une place dans le journal de l'académie, et la conférence les fera traduire par son translateur, à moins que l'importance du sujet, les difficultés de le bien traduire sans des connaissances scientifiques suffisantes, ou d'autres considérations ne l'engagent à en charger l'académicien ou l'adjoint qui lui paraîtra le plus propre à remplir cette tâche.

4°) La conférence nommèra un académicien pour être le rédacteur de ce journal.

5°) Tous les mémoires originaux, traductions, extraits, notices et autres articles propres à entrer dans ce journal, qui auront été présentés à la conférence, seront remis à ce rédacteur.

6°) Le rédacteur fera choix des pièces qui doivent être insérées dans chaque cahier, et il en présentera la liste à la conférence dans les premiers jours du trimestre à la fin duquel le cahier doit paraître.

7°) Cette liste ayant été approuvé par la conférence, le rédacteur peut en ordonner l'impression et faire graver les planches sans formalité ultérieure.

8°) La presse et les imprimeurs déstinés à l'impression du journal, de même que le graveur qui entaillera les figures, ne doivent pas être employés à d'autres ouvrages, tant que dure l'impression d'un cahier, afin qu'il n'y ait jamais de retardement à craindre et que chaque cahier puisse paraître au terme fixé.

9°) Chaque auteur ou traducteur corrigera les premières épreuves, afin de soulager le rédacteur et avoir la facilité d'y faire les changemens, additions et corrections qui lui paraîtront nécessaires. Mais le rédacteur révisera les dernières épreuves, à cause des renvois aux figures et du coup d'oeuil de l'ensemble.

16) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 227, № 10. 620. Отношенія Новосильцова къ министру Завадовскому.

17) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы конференціи 1803 года. № 43. Собраніе 14 августа 1803 года.

8

Мы привели рѣчь Новосильцова въ томъ видѣ, какъ находится она въ рукописномъ протоколѣ академической конференціи. Тамъ помѣщена она и на русскомъ и на французскомъ языкѣ, texte en regard; протоколы конференціи велись тогда на французскомъ языкѣ. Такъ какъ въ протоколѣ не сказано, на какомъ языкѣ Новосильцовъ говорилъ свою рѣчь, то мы приводимъ и французскій текстъ:

Avant de passer à la lecture du journal, permettez moi, honorables collègues, que je vous annonce avec les sentimens de la plus vive joie la grace suprème que sa majesté impériale vient d'accorder à cette académie. L'action glorieuse de notre monarque, dont je m'empresse de vous donner connaissance, en affermissant cet antique et fameux temple érigé aux sciences en Russie sur des fondemens immuables et conformes à sa sublime destination, va vous offrir de nouveaux moyens de devenir utiles à la patrie, de nouvelles voies pour atteindre le plus haut dégré de perfection et de gloire et pour temoigner par là même votre reconnaissance d'une manière digne de votre grand reformateur.

Etranger au principe pernicieux qui, à la honte des derniers tems, a préféré un sombre fantôme aux progrès des sciences et des arts, qui a fermé tous les chemins à la propagation des lumières; persuadé que la connaissance des vérités dans leur ordre naturel et dans leur liaison mutuelle, unique objet de toutes les sciences, enrichit et orne l'esprit, élève l'âme, le sentiment et la vertu de l'homme; et qu'éclairé sur ses propres intérêts il est forcé d'obéir aux lois, d'aimer la patrie, d'être sujet fidèle et bon citoyen — persuadé de tout cela notre sage monarque traça ce plan de l'instruction nationale qui sera à jamais mémorable dans l'histoire de l'empire de Russie. Peu de tems après, porté par une impulsion de sa grande âme, il a tourné son attention vers la source principale de cette instruction, vers l'académie impériale des sciences; il a examiné son reglement, mesuré la sphère de son activité, calculé les moyens qui lui étaient accordés, pénétré ses besoins, comparé son état actuel avec les circonstances

du tems, et l'a enfin confirmée, réorganisée, relevée par un acte solemnel qui porte l'empreinte de sa générosité sans exemple.

Comblés ainsi des bienfaits du monarque, élançons nous, membres honorables, avec des forces réunis, avec une même âme, un même coeur, dans la carrière qui est devant nous, et efforçons nous de justifier à la face de nos concitoyens et du monde entier l'attente de notre auguste souverain et de la patrie.

18) Собраніе актовъ торжественнаго засѣданія императорской санктпетербургской академіи наукъ, бывшаго по случаю празднованія столѣтняго ея существованія 29 декабря 1826 года. 1827. стр. 30.

19) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 231, дѣла № 10.970. Представленіе академиковъ: Озерецковскаго, Шуберта и Фусса, 25 февраля 1815 года.

20) Историческое обозрѣніе трудовъ академіи наукъ на пользу Россіи. К. С. Веселовскаго. 1865. стр. 29—30.

21) Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи въ теченіе пятилѣтія, съ 1801 по 1806 годъ, сочиненное А. Шторхомъ и Ф. Аделунгомъ. Часть первая. 1810. Россійская литература, собранная императорской академіи наукъ дѣйствительнымъ академикомъ, ихъ императорскихъ высочествъ великихъ княжевъ наставниковъ, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Андреемъ Шторхомъ.

22) Сотрудничество Екатерины II въ Собесѣдникѣ княгини Дашковой. Я. К. Грота. Печатано по распоряженію Совѣта русскаго историческаго общества, стр. 3—4.

23) Рукописныя записки собраній россійской академіи. Собраніе 10 января 1797 года, ст. II.

24) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № I, дѣла № 36,723. Журналы и опредѣленія коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ; № 5, журналъ 27 февраля 1787 года. Приложеніе. Планъ учрежденію въ Россіи университетовъ. Предварительное разсужденіе о народномъ въ Россіи просвѣщеніи.

25) Вѣстникъ Европы. 1803. № 5, стр. 49—50.

26) Gervinus: Geschichte des XIX jahrhunderts. 1856. T. II, стр. 702—704 и др.

27) Вѣстникъ Европы. 1803. № 8. О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей, стр. 317—326.

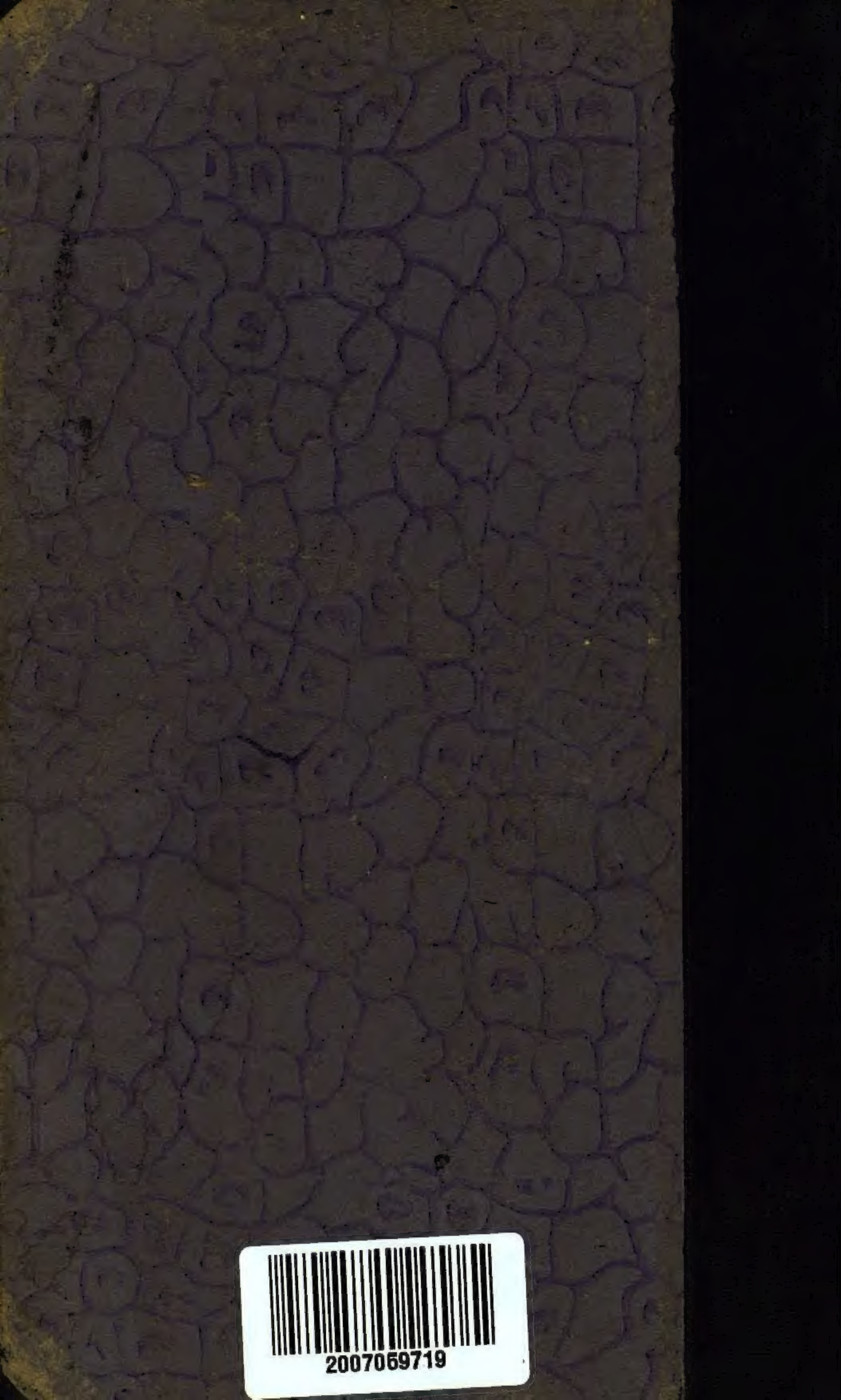
28) Вѣстникъ Европы 1803. № 5. стр. 57—58.

29) Трактатъ о политической естетикѣ и приложеніи оной къ разнымъ общенароднымъ предметамъ. Россійское сочиненіе. 1814.

30) Вѣстникъ Европы. 1803. № 8, стр. 322.

31) Что такое классическая филологія? I. Фр. Авг. Вольфа. Очеркъ науки древности. Переводъ съ нѣмецкаго И. Помяловскаго, 1877. Профессоръ Помяловскій говоритъ: «Многимъ можетъ показаться страннымъ, что мы выбрали сочиненіе, появившееся въ началѣ нынѣшняго вѣка, для отвѣта на вопросъ современности. Но, разсматривая статью Вольфа съ точки зрѣнія современной науки, прилагая къ ней требованія нашего времени, мы съ изумленіемъ видимъ, что въ общемъ она вполнѣ подходитъ подъ первую, и отвѣчаетъ послѣднимъ. Такова сила геніальнаго ума великаго основателя новой филологіи, опередившаго на много свою современность. Значеніе статьи Вольфа, сразу поставившей филологію въ рядъ наукъ, давшей ей опредѣленныя границы, указавшей ея цѣли — неизмѣримо велико. Еще бо̀льшимъ должно оно показаться тому, кто хотя нѣсколько знакомъ съ тѣмъ состояніемъ нашей науки, въ которомъ мы находимъ ее на западѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. Статья Вольфа произвела въ ней радикальный переворотъ, давши ей совершенно иное направленіе, слѣдуя которому филологія, въ лицѣ великихъ послѣдователей геніальнаго учителя, дошла до настоящаго процвѣтанія. Ознакомить русскихъ читателей съ такимъ произведеніемъ казалось намъ далеко не безполезнымъ, особенно въ настоящее время».

32) Іоаннъ Дамаскинъ. Графа А. К. Толстаго. М. 1859. стр. 15.

2007059719